

**МАКСИМ
ВОЛОСАТЫЙ**

ВОИНЫ КЛЕВЕРА

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

Мир Клевера

Максим Волосатый

Воины Клевера

«Автор»

2009

Волосатый М.

Воины Клевера / М. Волосатый — «Автор», 2009 — (Мир Клевера)

Кто сказал, что нет Миров, кроме Земли? Группе землян довелось убедиться в обратном. Попав в Мир Клевера, где магия убивает не хуже пули, а меч на поясе немислим без амулета на груди, бывшие ученые и военные очень быстро поверили в его реальность. Конечно, им помогли. Если считать помощью искреннюю ненависть трех Старших Рас, странно похожих на эльфов, гномов и орков из земных преданий. Если принимать как дружескую услугу стрелы и мечи Старших, атаки их боевых магов и вылазки жутких Тварей, обитающих в Территориях. Маги Земли научились жить в Мире Клевера. Но победить здесь могут только Воины.

© Волосатый М., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог первый	5
Пролог второй	8
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	45
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Максим Волосатый Воины Клевера

Пролог первый

Кто сказал, что беду рисуют темным?

Небо полыхало непередаваемо прекрасным изумрудным светом. Уходящая за горизонт равнина мягко мерцала всеми оттенками бирюзы. Даже сильный и ровный ветер, обычный для Хатала, казалось, состоит из одного лишь света. Чистого, переливающегося всеми оттенками белого света.

Таит подставил этому свету грудь, попробовал на вкус тревожный, чуть горьковатый ветер и грустно улыбнулся. Небо должно быть желтым, равнина – зеленой, а ветер вообще должен дуть в другую сторону, неся влагу и отдохновение, а не смерть и небытие, скрытые в прекрасном свете.

Но и так красиво, очень красиво. И всю эту красоту сделал он. Один. Для себя и остальных. В час своего горя и своей беды.

– Величие Сущего, ничтожный слуга просит разрешения доложить, – краем глаза Таит отметил преклонившую колено фигуру. Ну вот и кончилась красота. Осталась смерть. И немного жизни. Для тех, кто сумеет уйти, и тех, кому он, Таит, сумеет ее подарить. Пора. Таит повернулся к коленопреклоненному воину:

– Встань, Силаин зол-италь Исииль. Встань и говори.

Воин поднялся, посмотрев в глаза Таиту. «Силаин золиталь Исииль». Никакой он не Силаин – Лан, просто Лан, старый друг, друг детства, юности, да и всей остальной жизни тоже. Зеленоватые волосы выбиваются из-под боевого шлема. По две серьги в каждом ухе – на-халь, первый ряд халиона. Амулеты сплошным нагрудником спускаются с шеи. Каждый – произведение искусства. Халь, каких сейчас остались единицы. В том, что они дошли досюда, в Хатал, и его личная заслуга тоже. И без него Таит никогда не зажег бы ни небо, ни ветер. Старый верный друг.

Как жаль, что теперь уже ненадолго. Теперь всё ненадолго. И потому «зол-италь Исииль». Потому что в спину им смотрят все, кто остался в живых. Все, кто выжил в исходе расы аталь. Все, кто прошел насквозь свою империю, повелевавшую многими мирами, в надежде спастись. Их было много. Если бы Таит поднял взгляд, он бы не смог увидеть края безбрежного живого моря, заполнившего некогда окраинный и тихий мир Хатал. И всё же это до боли мало. Ататоны, империи расы аталь, больше не существовало. И здесь, под полыхающим небом, собралась лишь жалкая часть расы, некогда одним своим именем наводившей ужас на любое мыслящее существо. Самые сильные – они смогли дойти. Самые умелые – они смогли защититься. Самые умные – они смогли заранее всё понять и подготовиться. Самые достойные – их защищали до последнего. Все они теперь молча стояли и ждали, пока лучшие из лучших халь откроют последний проход, уводящий обреченную расу из привычных обитаемых миров в жуткую неизвестность, где им придется начинать всё заново.

А чтобы бурая мгла, накрывшая Ататону, не смогла добраться до них в этой неизвестности, Дверь, которую они откроют, потом запечатают. Всеми умениями, которые накопили аталь за бесчисленные века. А замком на этой Двери станет то, что долгое-долгое время, уходящее в немыслимые дали, оставалось под запретом. Кровь. Кровь халь. Кровь на-халь. Первого из на-халь. Их король не оставит свою империю. Бурая мгла может убить его, но не победить. И через узор, скрепленный кровью последнего из Ататидов, не сможет пройти никто.

Так сказал он сам. Их король. Итаиталь зол Ататид Насини Ататона.

Последний король империи аталь повернулся к своему другу:

– Встань, Силаин зол-италь Исииль. Встань и говори.

– Мой король, – Лан поднялся. Он был чуть выше Таита, но казалось, все равно смотрит снизу вверх.

Нет, не так. Это Таит сейчас смотрит сверху вниз. На все и на всех. На Лана, на этот мир, на оставшихся в живых подданных, на тугой узел линий хальер, закрутившийся над обреченным миром. Обреченным, потому что после их ухода на месте Хатала останется только черная дыра в мироздании. На темную полосу на горизонте, которую всё еще сдерживают его узоры, заставляющие по капле иссыхать обреченный мир. Она скоро придет. Прорвет их защиту и придет. Но ему не страшно. Он встретит ее. Один. Не боясь никого и ничего, потому что тогда ему впервые в жизни не надо будет думать ни о чем, кроме боя. Он станет яростью. Чистой яростью и болью погибшей империи, вобравшей в себя всё, что некогда было расой аталь. Он уже почти умер, ему не страшно. И это «почти» сейчас исчезнет. Лану осталось только доложить. Говори, мой друг...

– Мой король, проход открыт. Глеммы прошли первыми. Два хорда ушли, один вернулся. Там есть жизнь. Там есть лес...

Голос Лана сорвался. Не от страха – от радости. Аталы будут жить, они смогут уйти. А Лану все равно. Он остается со своим королем.

Хрустальный невидимый полог с тихим звоном сомкнулся над головой Таита. Все! Он сделал. Он не смог победить своих врагов (видят Несуществующие: кто бы смог?), но он спас свою расу. Аталы будут жить. Все, кто верил ему и шел за ним, будут жить.

А он продержится. Теперь это легко. Теперь ему не надо оставаться в живых. Да он и не живой. Вся его кровь по капле осталась там, в бесчисленных мирах империи, которые они оставляли один за другим. Неведомый враг, так до сих пор и непознанные «Они», ненадолго останавливались только тогда, когда защищать очередной обреченный мир оставался кто-то из Ататидов. Сколько жизней спасли эти передышки, сказать не мог никто, но с каждой жертвой аталь всё с большим обожанием смотрели на своих вождей.

Ататиды правили расой аталь давно. Так давно, что никто уже не помнил, был ли у аталь хоть когда-нибудь правитель, не носящий приставку «зол Ататид». И вот теперь их нет. Никого. Все они остались со своей империей.

Кому мог рассказать Итаиталь зол Ататид, как больно отправлять на смерть своих братьев, сестер? Никому. Он только крепче сжимал зубы, и каменело на лице извечное презрение аталь к своим врагам. Он думал, что это было больно – смотреть, как один за одним уходили Ататиды. Как пусто становилось за семейным столом. Как тяжело было терпеть сочувствие оставшихся. Он ошибался. Что такое боль, он узнал только тогда, когда два мира... Две жизни... Две вселенной назад ушла Лавана. Его Лавана. Так и не успевшая подарить ему наследника. Она просто посмотрела в его глаза, легко коснулась губ своими губами. Улыбнулась. И ушла. Защищать мир, который закрывал последний путь отхода. И «Они» стянулись туда все. Все. Оставив почти закрытый проход свободным. Почуввав кровь Ататидов. Оставив последнего из них выть в душе от безумной боли, которая и стала жизнью на всё оставшееся время.

И вот теперь все кончилось. Нет больше изматывающего бега. Некуда торопиться. Он продержится, это видно уже сейчас. Осталась только малая малость.

– Подойди ко мне, мой друг, – голос последнего короля зазвенел.

Лан переменился в лице. Еще бы, ты всегда был умен. Ты все уже понял.

– Нет, Таит, нет! Я остаюсь. Мы же договорились.

– Подойди, – Итаиталь зол Ататид был уже не здесь. Этому голосу нельзя было не повиноваться.

Две фигуры на высоком холме говорили долго. Живое море молчало, отдавая последние почести уходящему королю. И никто не мог знать, что рассказывал последний Ататид своему другу. Но если бы кто-нибудь всё же увидел Силаина зол-италь Исииль, то он поразился бы, с какой скоростью раздражение и обреченность на его лице уступили место сначала изумлению, потом радости, а затем тихой торжественности.

Но вот последний разговор короля закончился. Жестом, видимым всем, он отправил Силаина зол-италь Исииль вниз. Герольды огласили последнюю волю Ататида. Силаин зол-италь Исииль становился местоблюстителем Ататидов на троне аталь. Новый вождь начал уводить отхлынувшее живое море в новый мир. И на его месте, как камни после отлива, осталась небольшая кучка. Те, кто решил разделить со своим королем его участь. Поленья в разгорающемся костре.

Аталь уходили. Их новый вождь – тоже. Но перед тем, как войти в переход, поддерживаемый самыми сильными из известных на-халь, Лан обернулся. Его голос разнесся над живым морем, сделавшись слышным каждому. Он был сильным халь, и готовящийся к последнему бою король услышал его точно так же, как и любой аталь.

– Клянусь, мой король и мой друг, клянусь, не будет у аталь королей, в которых не течет кровь Ататидов. Силаин зол-италь Исииль принимает на себя титул Зеленого Принца. Аталь ждут тебя, мой король.

Отдав последний торжественный салют, Силаин зол-италь Исииль исчез в проходе. Все. Вот теперь в самом деле все.

И когда последний узор, намертво запечатывающий закрытый переход, по которому ушли остатки расы аталь, принимал в себя последнего Ататида, глядя в бессильно заволакивающую исчезающий мир ненавистную бурую мглу, Итаиталь зол Ататид Насини Ататона счастливо улыбался. Он все-таки победил...

Пролог второй

– Хей, Джонни, – усталый пожарный, вытирая перемазанное сажей лицо, уселся на невесть как уцелевшую скамейку перед сгоревшим зданием. – Закончили?

– Вроде да, – белозубо сверкнул улыбкой Джонни. – Теперь помыться – и на боковую. Ну и устал же я.

– Да уж, работенка сегодня выдалась та еще, – пожарный обернулся к дымящемуся остову дома. – Хорошо еще, что он невысокий, а то представь, каково было бы карабкаться этаж на пятидесятый, а?

– Да уж, – Джонни честно сделал сегодня свою работу и теперь имел полное право почечесать в охотку языком, – считай, повезло нам. Не то что бригаде Салливана на той неделе, слышал?

– Как не слышать, у них там целый квартал полыхал. Сколько они там потеряли, троих?

– Четверых.

– Во-во, и я про то же. А все эти аталь проклятые. Сколько можно? Чего-то они к нам зачастили.

– Это еще не зачастили. Ты новости послушай. Говорят, в Европе они вообще чуть не каждый день чего-то устраивают. И у русских тоже. И в Китае. То монстра какого-нибудь сбросят, то болезнь какую. Или как у нас – выскочат из своего портала, бросят свою бомбу – и бежать. Куда только власти смотрят? А еще республиканцы. А я ведь за них голосовал.

– И зря голосовал, – пожарный понизил голос и, воровато оглянувшись, наклонился к Джонни: – Точно тебе говорю, нам не всё рассказывают. Ты глянь новости. Раз в неделю по всей Америке где-то что-то поджигают, чего-то взрывают. Так?

– Ну, так, – неуверенно согласился Джонни, пытающийся понять, к чему клонит собеседник.

– А я тут со своими приятелями по колледжу созваниваюсь регулярно, они в управлении работают, так их послушать, посчитать, и получается, что не по разу в неделю, а чуть ли не каждый день что-то происходит. И не по одному случаю. Точно тебе говорю, неладное что-то творится. Как наших оттуда, из этого, Зеленого Лепестка, вышибли, так с каждым годом все хуже и хуже. Эти аталь так просто не успокоятся. Чует мое сердце, мы еще с ними горя хлебнем.

– Да ну тебя, Джеймсон, скажешь тоже, – Джонни после такой работенки никак не был готов к переосмыслению мира. – Ну поимели они нас там, так мы им должок-то с процентами вернули, когда они сюда сунулись. Ты себе голову не забивай, пусть думают те, кому за это деньги платят. А наше дело – чтобы ни одной искорки после нас не осталось.

Залихватски улыбнувшись, он вытащил изо рта у Джеймсона сигарету и демонстративно затушил ее о скамейку.

– Пошли, после смены надо будет обязательно в бар заскочить. Так, минут на двадцать. Не составишь компанию? Угощаю.

– О чем разговор.

– То-то.

– Сынки, что, всё? Убили змея?

– Убили, бабусь, – здоровенный спецназовец в полной боевой выкладке аккуратно поправил ленточку заграждения. – Только ты туда все равно не ходи, мало ли что.

За ленточкой виднелась туша огромного чудовища, похожего на Змея Горыныча из детских сказок, разорванного взрывом чуть ли не пополам.

– Вот еще, страсть-то какая, и не надо мне, – замахала руками любопытная старушка. – А что, много народу-то пропало-то, когда он того, тут явился-то?

– Сколько надо, столько и пропало, – посмурнел спецназовец. – Проходи, бабуль, а то мало ли что. Они разные бывают, оживет еще.

– Уже, уже, сынок, – засуетилась старушенция и припустила мелкой рысью вниз по улице. Но одним глазом все равно, даже на бегу, умудрялась косить в сторону уже начинающей иставивать невесомым дымом туши.

– Вот народ, – пожаловался спецназовец подошедшему товарищу, – тут такое творится, а им хоть бы хны. Только и интереса, что «сколько народу пропало?». Тьфу.

– Так уже привыкать начали, – второй боец достал сигарету. – Считай, каждую неделю такая херня происходит. Не нравится мне все это, – он мотнул головой в сторону монстра. – Нелюди совсем обнаглели, мало мы их крошили.

Он был одним из тех немногих, кто вырвался из мясорубки в Зеленом Лепестке и имел право на пренебрежительный тон.

– И что самое поганое, они-то сюда засылают свои магические штуки, вроде этой зверюги, а у нас-то живые люди гибнут.

– А что ж наши-то молчат? – поинтересовался первый. – Неужели ответить нечем?

– Да они вроде и не молчат. Тоже чем-то отвечают. Но ты сам посмотри, что получается. Если бы мы что-то серьезное показывали, давно на каждом углу звонили бы. Вот, мол, мы какие, доблестно всех имеем, а то, что монстры да взрывы, ну так уж потерпите, дело житейское. Ан нет, у нас все хреново, по всему миру сплошные теракты, аталь давят, а от нас ничего. Молчок.

– И что будет?

– А хрен его знает, что будет. Но я тебе одно скажу: не дай бог тут начнется то же самое, что в Зеленом Лепестке.

– Добрый вечер, Торвальд Эрикович, – невысокий мужчина в дорогом сером костюме поднялся из-за стола, приветствуя гостя. – Прошу вас, садитесь. Кофе?

– Да, спасибо, – Торвальд Эрикович Йенсен, генерал-лейтенант в отставке, бывший глава Управления Практической Магии ВС РФ, в узких кругах больше известный как Гермес, сел в предложенное кресло. – Добрый вечер.

Когда секретарь, принеся кофе, удалился, хозяин кабинета резко свернул предваряющий основную беседу разговор о погоде.

– Вас уже ввели в курс дела? – поинтересовался он.

– Да, – Йенсен кивнул, – но я не очень понимаю, зачем вам понадобился старый конь вроде меня. Да еще и опальный.

Старая обида никуда не делась. Потускнела, потеряла остроту, но не исчезла. И как Гермес ни пытался выглядеть отстраненным профессионалом, эмоции ему не были чужды. Слишком глубокий след оставила в его душе давняя история.

Хозяин кабинета взял паузу. Выждав пару секунд, он сцепил пальцы рук и оперся на них подбородком. Довольно неожиданный жест, учитывая его статус. Йенсен даже немного удивился.

– А всё просто, Торвальд Эрикович, всё просто. Мы не можем без вас обойтись.

Пару секунд он наблюдал за поползшими вверх бровями Гермеса, затем пояснил:

– Без вас и вообще без любого специалиста в области магии, Лепестков, аталь и прочих вещей, связанных с деятельностью нелюдей. Сейчас нам нужны все и не время вспоминать былое и считаться старыми обидами.

Он жестом остановил открывшего было рот Гермеса и продолжил будничным тоном:

– Мы проигрываем войну порталов. На сегодняшний день соотношение успешных акций на территории противника у нас с аталь составляет, – он чуть замешкался, глядя в бумаги, – один к тридцати. Эффективность терактов у аталь значительно выше. И, самое главное, меры

противодействия, предпринимаемые аталь, на порядок эффективнее аналогичных мер, принимаемых нами. Другими словами, они отбиваются лучше, чем мы.

– Н-ну, – Гермеса было сложно смутить, но хозяину кабинета это удалось. – Я даже не знаю...

– Но главное не это, – мужчина как не заметил реплики, – а то, что выводы наших аналитиков, равно как и их коллег в других государствах, однозначны: в течение нескольких лет – от пяти до семи – вероятность успешного вторжения нелюдей на Землю составляет девяносто процентов.

Глава 1

- Ба-бах!
- Ирил!
- Бабах!
- Ирил!!!
- Ба-бах, ба-бах!
- ИРИЛ!!!!
- Ба-бах, ба-бах, ба-бах!

Горшки лопались один за одним. Во все стороны летели куски глины, пыль потихоньку покрывала место «битвы».

– Ирил, ты опять?! – Вбежавшая в сарай женщина огорченно всплеснула руками, увидев стоящего посреди всего этого безобразия мальчишку. Тот повернул к ней перекошенное лицо, еще не плачет, но – вот-вот, и, узнав мать, наконец сорвался. Испуганный жалостливый детский плач показал матери все, что до поры скрывала поднятая пыль.

– Опять?

– Да-а-а... – размазывая сопли и слезы, мальчишка безуспешно начал оправдываться: – Я зашел, а он как глянет, я его... а он... Я по нему... А он за горшком...

– Это был кот, сынок, – мать устало опустила на пол. Спасти горшки уже не получится, так что нет смысла кричать, топтать ногами, пугать ребенка. Тем более что он и не виноват ни в чём, – это был просто кот, как и в прошлый раз: искал, что поесть. Ну, иди сюда, не бойся.

Мальчишка осторожно подошел, позволил себя обнять и уткнулся в мамино плечо, поняв, что выволочка отменяется. По крайней мере сейчас.

– А потом ты начала кричать, и я испугался еще больше, – шмыгнув носом для храбрости, тихо поведал он.

– Понятно, – мать грустно улыбнулась, – и ты со страху бабахнул еще один.

– Ага.

– А потом я крикнула сильнее...

– Ага.

– В общем, никто ни в чем не виноват. – Она погладила светлую вихрастую головку. – Ладно, иди уже, только обещай...

– Ладно-ладно, – мальчишка мгновенно прочувствовал ситуацию, вывернулся из рук матери и пулей вылетел в дверь, – я аккуратно, мы в вольдов пойдем игра-ать.

– Ирил! – запоздало всплеснула руками мать, но того уже и след простыл.

Подметя черепки и пыль, женщина аккуратно прикрыла за собой рассохшуюся дверь перекошенного сарайчика, присела отдохнуть на колоду, стоящую у стены, да и задумалась, глядя перед собой остановившимся взглядом.

Из мыслей ее выдернул громкий скрипучий голос:

– Здорова будь, Таная. Опять твой набедакурил?

– Са-Сефара, здравствуйте, – встрепенулась женщина от своих невеселых, судя по выражению лица, мыслей и посмотрела на гостью.

Перед ней стояла старая торквани, опираясь на палку. Торки, в большинстве (кроме некоторых горных племен), очень высокорослы, Са-Сефара исключением не была. Даже согбенная годами, она все равно была выше человеческой женщины. Приходилось поднимать голову. Фирменный оскал торков, потерявший с годами свою пугающе острую зверскость, тем не менее, по-прежнему вызывал уважение. Всё еще густые, краснеющие к старости волосы, Са-Сефара подвязывала на боевой манер воинов-торков – пучок ровно посередине темени. Слухи

про нее ходили разные, но откуда она пришла в самое дальнее поселение обитаемого Пестика, чем занималась до этого и настоящее ли это ее имя, точно не знал никто. Одно можно было сказать определенно: ни один вольд, торговец или ремесленник Хайара никогда не пытался с ней спорить, потому что старая торквани неизменно оказывалась права. Если она не знала, что сказать, то просто молча стояла, посверкивая своими не утратившими зоркость темными глазами. Но если уж она открывала рот, то лучше было бы ее послушать, а потом сделать так, как она сказала.

– Опять, спрашиваю, побил чего?

– Опять, – вздохнула Таная. – Он испугался чего-то, горшок и разбился, а тут я давай кричать, он еще больше перепугался – ну и так далее.

– Ясно, – взгляд темных глаз, глядящих из-под нахмуренной бровей, не обещал ничего хорошего. – Это у тебя ведь уже третий раз, а?

– Четвертый, – расстроено ответила Таная.

– Еще хуже. Плохо это, – проскрежетала торквани.

– Да что вы, Са-Сефара, – перепугалась женщина, – он же мальчик еще, не понимает ничего, он же никому ничего плохого не сделал, а горшки – так что горшки, да пусть хоть все переколотит. Вон у соседки свой-то палками перебил тоже... Так и ничего, что с них взять-то...

– Да ты никак решила, что я его съест собираюсь, как у вас там в ваших сказках человеческих понаписано? – Торквани недовольно пристукнула своей палкой. – Я о нём беспокоюсь. Ты знаешь, почему у нас, в Пестике, халь, то есть магов по-вашему, практически нет?

Широко распахнув глаза, Таная робко покачала головой.

– А что вообще такое «Пестик», знаешь? – прищурилась торквани. – Что такое «Клевер»?

– Да, конечно, то есть нет, – всё так же робко кивнула, а потом помотала головой Таная.

– Понятно, да и зачем тебе, – вздохнула торквани. Она аккуратно присела на край той же колоды – годы не шадят ни людей, ни торков, да и ни одну другую расу Клевера, разве что спрашивать с нелюдей они приходят гораздо позже.

– Слушай внимательно, – проворчала она, – повторять не буду.

Таная замерла, внимательно прислушиваясь к словам торквани: Са-Сефара заслужила уважительное отношение.

– Обитаемый Клевер – это четыре мира, четыре Лепестка: Желтый – мы, Зеленый – аталь, Серый – глеммы и Огненный, – скривилась торквани, – вы, люди. Посередине – Пестик. Магия, хальер, есть везде, кроме Огненного. Не досталось вам. А в Пестике этой хальер – вдесятеро. Понятно?

– Нет, – тихо произнесла Таная, словно извиняясь за непонятливость.

– О духи! – закатила глаза Са-Сефара. – В Желтом Лепестке шаман возьмет и срубит дерево, а тут – так же – лес снесет и не заметит. Силушки-то на десятерых. Теперь понятно?

– Понятно, – закивала женщина, – понятно, только...

– Твой парень – халь, – пояснила торквани, – только беда в том, что халь у нас жить не могут. Сейчас он горшок разбил, а подрастет... А ну как не понравится ему кто?

– Ох, – схватилась за голову Таная, – убьет не ровен час кого.

– Убьет – полбеда, – прищурилась торквани, – иного и убить не зазорно, воин крови не должен бояться. А вот сотворит чего такое, что и себя, и тебя, и весь наш Хайар снесет, вот тут ты чего будешь делать?

Таная, судя по лицу, как и любой матери, было наплевать и на себя, и на Хайар. Дитятку угрожает невесть что, какой уж тут Хайар?

– Сараси Са-Сефара, – невесть откуда вспомнила приличествующее обращение Таная, – что ж делать-то теперь?

– Сараси? – прищурилась торквани. – Нет, дочка, я не сараси.

Она замолчала, старые, но еще зоркие глаза остановились на какой-то точке над горизонтом, высматривая видимое им одним. Медленно-медленно торквани перевела взгляд на человеческую женщину:

– Сараси – это воины, это шаманы, сараси – это жизнь, дочка. – Она вздохнула. – А я не сараси, я просто старая Са-Сефара, которая скоро помрет тут, на окраине Пестика. Молчи, – оборвала она вскинувшуюся было Танаю, – просто так не помру. Перед смертью тебе еще помогу. Одна ты со своим сорванцом не справишься, мужик тебе нужен. И не красней, не девка.

Таная резко выпрямилась:

– Спасибо, Са-Сефара, но тут я сама разберусь. – Куда только девалась усталая перепуганная женщина? – За науку благодарю, а со своим ребенком попробую управиться одна.

– Не перечь, – сдвинула брови старуха, – твоего-то уже сколько лет как Твари забрали? Пацан – байстрюк байстрюком растет, ни вежества, ни силы своей не знает. Койку свою как хочешь огораживай – твое дело, а халь в Пестике воспитывать – это уметь надо.

Она поднялась. Резко, сильно, несоразмерно со старым, ветшающим телом. Темные глаза впились в лицо женщины:

– Ты что думаешь, кто-нибудь из Лепестков пропустит появление в Пестике халь? Никто. Как только парень выкинет чего значимого – тут же придут, – она сжала посох так, что и без того бледные старческие пальцы белыми полосами перечеркнули темное дерево, – и не могу тебе обещать, что с добром придут.

Торквани повернулась и, не дожидаясь ответа, молча двинулась вниз с холма.

– Днями пришло, жди, – бросила она через плечо.

И ушла, медленно растворяясь на уходящей вверх по холмам дороге, накрытой зеленоватым покрывалом вечернего неба. Ушла, оставив человеческую женщину одиноко стоять возле старенького покосившегося сарая на вершине холма, за которым начиналось безбрежное море Пестика. Неизведанное и страшное, каждый год требующее и требующее новых жертв.

Маленькая фигурка Танаи с развевающимися волосами долго оставалась неподвижной. До тех пор, пока сумерки не закрыли гладь моря, разрешая закончить еще один день, а снизу не раздался беззаботный мальчишеский крик, зовущий и напоминающий матери, что жизнь все так же идет своим чередом.

Глава 2

– Ирил, положи гарпун и иди сюда. – Тахор говорил негромко, но юноша мгновенно отложил непослушный наконечник гарпуна, который пытался приладить к древку.

Что-что, а послушание и мгновенное выполнение приказов Тахор вбил в Ирила намертво. Когда Са-Сефара в первый раз привела невысокого торка из горных кланов познакомиться с семьей Ланья, и у матери, и у тогда еще мальчишки Ирила чуть не случилась истерика. Торки и так красотой не блещут, но Тахор выделялся даже тут. Больше всего он походил на сбежавшую из Территорий Тварь. Невысокую, быструю и злобную. Взрослые потом закрылись в доме и долго, очень долго обсуждали что-то, а Ирил ходил кругами и молил непонятно кого, но всех вместе и каждого в отдельности, чтобы злобный торк никогда больше не появлялся у них дома. Его молитвы услышаны не были. Появившаяся мать с покрасневшими глазами тихим голосом, но очень твердо объявила ему, что с этого момента ужасный незнакомец по имени Тахор будет его воспитателем. Мальчишка хотел было возмутиться, пожаловаться. Ведь мама должна же понять, что это чудище ну никак не может быть его воспитателем, а вдруг оно его просто съест. Точно, для этого его Са-Сефара и привела. И никакая она не старуха, а вовсе даже и грялла из той страшной сказки, которую вчера рассказывали...

За спиной матери неслышно открылась дверь, в проеме вырос торк, злобно щерящийся своим клыкастым оскалом, – и все слова умерли. Ирил не мог сказать ни слова. И даже слезы, которые его всегда выручали, сейчас куда-то делись. Мать подвела мальчишку к торку, молча вложила детскую ручонку в корявую лапу и отвернулась, тихо всхлипнув. Старая торквани обняла ее за плечи, прижала к себе и что-то тихо начала говорить. Но Ирил всего это не видел. Он понимал только одно: вот теперь ему конец. Торк внимательно посмотрел в перепуганное мальчишечье лицо и на миг погасил свой оскал. Ирилу показалось, что в лице Тахора мелькнуло что-то вроде сочувствия, но уже в следующую минуту торк развернулся и решительно зашагал прочь, ведя за собой Ирила. Тогда Ирил этого еще знал, но именно в этот момент кончилось его детство.

Следующие месяцы Ирил плакал каждую ночь. Мама тоже плакала, он иногда слышал. Он думал, что что-то изменится, что однажды они проснутся, а Тахора нет. И снова будет все по-прежнему. Но дни шли, а торк все так же по утрам жестоко поднимал мальчишку до рассвета, не давая тому ни на секунду задержаться в теплой постели. Выгоняя в ледяную утреннюю хмарь и заставляя целый день с утра до вечера выполнять его безумные требования. Надо отдать торку должное – он учил. Учил всему: от боя со странным торкским мечом в руках до перевязывания ран. От умения поймать в мутной прибрежной воде зазевавшуюся мелкую Тварь до искусства прятаться на голой земле. Найти еду в пустынных холмах, без ушибов упасть с дерева, согреться ночью маленьким куском тряпки. И так – до бесконечности. Но первое, чего он требовал, было выполнение приказов. Если Тахор пролаивал «стой», останавливаться нужно было тут же. Если он бросал «замри», то, что бы ты ни делал – в носу ковырялся или суп глотал, – замри и не дыши. Непослушание торк карал. Жестоко. Сколько раз мать в слезах убегала в другую комнату, когда Ирил выл от боли, держась за горящую огнем руку или ногу, пострадавшую от разъяренного Тахора. Мать плакала, но каждый раз после разговора с торком всё возвращалось на круги своя. Ирил злился и страдал – мама, оказывается, тоже хочет ему зла. И ведь не похвалит никто никогда...

И только через пару лет вымуштрованный Ирил, с вечно сведенными злой судорогой скулами, начал потихоньку видеть пряники между нескончаемых кнутов. Он, наконец, начал видеть разницу между «ладно», «неплохо» и «хорошо». Он даже смог один раз оцарапать мечом руку Тахора, за что был удостоен отдельной трепки (не за то, что достал, а за то, что

открылся при этом). А еще через полгода он начал понимать, для чего Тахор издевался над ним, требуя беспрекословного подчинения.

Тогда, на берегу, он только хотел аккуратно достать из воды плавающую касанию – красивого водяного зверька, похожего на цветок. Эти тварюшки жили дома в горшках с водой достаточно долго, радуя своей красотой. Ирил уже начал тянуть руку, как сзади Тахор резко каркнул: «Замри!» Тело само работало, годы безжалостного учения даром не прошли – Ирил замер, как двигался, чуть не падая от неудобства. Он вцепился в край берега, вися из последних сил, и, стискивая зубы, ждал разрешения на что-нибудь. Хоть в воду, что ли, упасть.

Серебристая тень, невесомая и невидимая в воде, прочертила дугу, каким-то чудом не достав до его вытянутой руки. Руку обдало дуновением воздуха и брызгами. Абарат, убийца-невидимка, беззвучно разинул пасть с ядовитыми присосками, плеснул хвостом и ушел в глубину. Обычно они так близко к берегу не подплывают, а вот поди ж ты... Тахор молча подошел к все еще замершему Ирилу (шевелиться никто не разрешал) и отдернул его назад. Ирил завалился на спину, ожидая трёпки. Всё еще пребывая в той же неудобной позе: Тахор по-прежнему не давал команды отмереть, – он зажмурился.

– Можно, – Ирил открыл глаза и увидел удаляющуюся спину торка.

Тот так ничего и не сказал больше, но Ирил и так всё понял. Умному достаточно, как любил цитировать кого-то сам Тахор. Все годы невероятного напряжения, издевательств и слез сложились в один короткий всплеск хвоста. Стоило ли оно того? Ирил подумал – и решил, что стоило. А еще он подумал, что никто из его друзей ничего не смог бы сделать. И лежали бы они сейчас на дне, холодные и недвижимые, а абарат вился бы вокруг, высасывая потихоньку кровь.

Вот для чего он всё это терпел.

Оказалось, не только для этого.

Однажды вечером, когда Ирил сидел на берегу, любуясь солнцем, уходящим в море и заполняющим всё вокруг зыбким призрачным светом, тихий шорох за спиной выдернул его из блаженного безделья. Тахор. Обычно он ходит неслышно, а раз дал себя услышать, значит, не по делу пришел.

– Учитель, – не поворачивая головы, поздоровался Ирил.

– Сиди, сиди, – Тахор устроился рядом.

Торк сел и замолчал. Минуты текли, зеленоватое марево обволакивало мир. Но всё же Тахор не был тем, с кем Ирилу комфортно было молчать. Он оставался высшим существом, учителем, наставником, командиром. Он был из мира работы, тренировок, жизни и смерти. Из материального мира. Ему не было места в этом закате. Не то чтобы Ирил переживал, что торк сидит рядом, но молчание тяготило, и Ирил не выдержал. Маленький камешек сам по себе поднялся с края обрыва и, прочертив замысловатую дугу, без всплеска вошел в воду. Круги побежал в разные стороны, нарушая недвижимую гармонию.

Свои способности, позволяющие ему играть с предметами, подбрасывая их, разламывая и трансформируя, Ирил давным-давно спрятал глубоко внутрь: Тахор категорически запрещал заниматься этим без него, а лично возвращался к занятиям очень и очень редко. Он говорил, что с хальер нельзя играть, как с куклами. Еще в самом начале, каждый раз, когда у Ирила получалось что-то против его воли, как тогда, с горшками, Тахор свирепел. Наказание за хальер было не в пример тяжелее, чем за всё остальное. Вот и пришлось забыть о своих способностях. Но только не сейчас. Сегодня другой случай. Это его закат, и торку нечего здесь делать.

Смотря на разбегающиеся по воде круги, Ирил инстинктивно сжался. Вот сейчас ему прилетит... Но Тахор, как ни странно, заговорил по-другому. Мягко и негромко. Ирил напрягся, не в стиле учителя было так разговаривать.

– Ты знаешь, мальчик, почему я не учил тебя никогда вот таким вещам? – Тахор не повернул головы. Так и остался сидеть – уродливый профиль на фоне волшебного зеленого заката.

– Нет, – Ирил затаил дыхание. Никогда раньше торк не поднимал тему хальер. Запрещал – и всё. Без объяснений. – Вы не говорили об этом, учитель.

– Правильно, – Тахор неспешно достал из кармана трубку и начал набивать её табаком. Ирил уже знал, что у торков курение трубки считалось принадлежностью к сословию сараси («уважаемый» на торкване), боевому дворянству торков. Тахор никогда не рассказывал про Желтый Лепесток, но по многим и многим мелочам Ирил давно понял, что в своё время торк занимал там далеко не последнее место. – Правильно. Потому что я не шаман, а учить тебя чему-то, не будучи в этом мастером, неправильно. Вобью тебе не те рефлексy, а они потом тебе жизни будут стоить.

Он помолчал, раскуривая трубку. Закат умирал, оставляя за собой тихую дымку чего-то рвущего сердце. Неяркие звезды Севера потихоньку отвоевывали у уходящего солнца темнеющее небо.

– И еще одно обстоятельство есть, – торк вроде негромко сказал, выдыхая дым, но Ирил подпрыгнул. Слишком резко хриплый каркающий голос прорезал тишину вечера. – Тебе не место здесь, мальчик.

Ирил открыл было рот...

– Молчи, – остановил его Тахор. – Не тебе – рыбаку Ирилу, а тебе – халь Ланья. Сколько халь ты видел за свою жизнь?

Ирил задумался:

– Ни одного.

– Именно, – торк опять недвижимо всматривался в скрывающееся за горизонтом солнце. – И не потому, что здесь их нет.

Он опять замолчал. Ирил затаил дыхание. Тахор никогда с ним не разговаривал так. Все эти годы торк просто говорил, что делать, а что – нет. Указывал на ошибки, заставлял тренироваться и исправляться. Приказывал, ругал, хвалил. Но никогда не разговаривал как с равным. Пусть младшим и менее опытным, но равным. Сейчас что-то изменилось. Ирил столько ждал этого момента – и вот он пришел. По идее, его должна сейчас переполнять гордость: заслужил, смог, добился. Но радости не было. Ланья поискал внутри причину, не нашел и задумался, глядя на неподвижного Тахора: этот откровенный разговор, это хорошо или плохо? Вечер перестал казаться таким чарующим.

– Давным-давно, – торк перевел взгляд на Ирила, – Старшие Расы пришли в Клевер именно через Пестик. Откуда они пришли, почему не вернулись обратно и что они оставили за спиной, сейчас не скажет, наверное, никто. Может, правители и знают, но я тебе не скажу – это точно. Суть в том, что в Пестике хальер столько, что силы любого мага увеличиваются неимоверно. С одной стороны, вроде бы счастье. Плохо ли иметь много силы? А с другой... – он усмехнулся, глядя на недоверчивое лицо Ирила. – Не веришь?

Ланья помотал головой. Он себе плохо представлял, где тут зло. Да если бы он имел хоть вполовину столько сил, сколько легендарные халь Клевера... Тот же Зеленый Принц или Принц Лианы зол-италь Сандель, например. Сидел бы он тут...

– Всё хорошо в меру, – Тахор опять посерьезнел. – Когда ты поднимаешь чашку с водой, ты не задумываешься о силе, которую нужно на это потратить. Ты знаешь, сколько она весит, и тело делает всё само. А теперь представь: ты берешь огромную кружку, полную воды, и несешь ко рту. А она пустая, да еще и сама невесомая... В лучшем случае ты смешно махнешь ею, а в худшем – получишь по зубам. Больно. Так же и с хальер. Каждому халь здесь нужно сдерживаться постоянно. Ежеминутно. Чтобы не допустить катастрофы. И Старшие Расы ушли отсюда. В Лепестки. А Пестик остался. Для тех, кто не умеет работать с хальер. Для горячих голов, не нашедших себе места в обычной жизни Лепестков. Они называли себя вольдами.

– А?... – вскинул голову Ирил.

– И для людей, – почти обвиняюще ткнул в него пальцем Тахор. – Вам в Огненном Лепестке не досталось вообще ничего, поэтому те крохи хальер, которые ты выцарапываешь из себя, здесь превращаются в то, что вы называете магией.

Он опять замолчал, глядя в ответ утонувшего солнца. Молчал он долго, но Ирил не решился поторопить наставника. Наконец торк очнулся. Он пососал погасшую трубку, сплюнул и задумчиво потеревил боевой султан из волос, неизменно затянутый на темени.

– И все-таки что-то они здесь оставили, – задумчиво протянул он. – Территории что-то хранят. И океан хранит. А Твари охраняют.

Молчание.

– А халь здесь нет. И Старшие Расы договорились, что их здесь и не будет. Я не знаю, почему так произошло, мальчик, – он пристально взглянул на Ирила. – Но знаю, что Лепестки проверяют Пестик регулярно. И забирают отсюда всех халь.

– Куда? – вырвалось у Ирила.

– Куда-то, – пожал плечами торк. – К себе, наверное, куда еще.

– А людей?

Тахор нахмурился:

– Про людей ничего не знаю. У меня не было знакомых халь из ваших. И не слышал я ничего про вас. Так что про людей – это ты сам выяснишь.

– Они придут за мной? – тихо спросил Ирил.

– Раньше я бы сказал, что мы еще глянем, кто кого... – он тяжело вздохнул.

Положительно, расстроенный Тахор – зрелище то еще. Можно сказать, забавное даже. Только не для Ирила. И не сейчас.

– Что-то случилось? – догадался наконец Ланья.

Торк искоса посмотрел на него. Ирилу даже показалось, что в глазах Тахора мелькнула отеческая усмешка, ему никак не свойственная, но она тут же и пропала.

– Случилось, – он сосредоточенно, даже слишком сосредоточенно, начал опять раскуривать трубку.

Ланья смотрел на него во все глаза, но Тахор не спешил продолжать. Подталкивать же наставника было несколько... неправильно. Этому Ирил выучился хорошо. «Вообще, удобная вещь, эта трубка, – подсадовал изнывающий Ланья. – Когда на военном совете, например, сказать нечего, хватаешься за нее – и давай раскуривать. Глядишь, чего и придумается или другой кто-то выступит. То-то торки чуть что – сразу за курево хватаются». Тахор, наконец, справился со своей трубкой. Но когда он поднял глаза, Ирилу вдруг непонятно почему захотелось, чтобы он покурил еще немного. Или много. Что-то странное глянуло на него из глаз торка. Странное и страшное.

– Случилось, сынок, – Ирил вздрогнул. Никогда раньше Тахор не называл его «сынок». Как угодно ласково или одобрительно, но не «сынок». – Война случилась. Люди с аталь сцепились.

Ланья нахмурился, не понимая. Война. В Клевере. Ну и что? А они-то тут при чем?

– Что самое интересное, – невольно хмыкнул не увидевший его гримасы торк, – люди аталь-то давят. По всему Зеленому Лепестку проходятся.

Он повертел недоверчиво головой и тут увидел сведенные брови Ирила.

– Что непонятно?

– А мы-то при чем? – высказал свои сомнения вслух Ланья. – Кто-то где-то в Клевере воюет, нам-то до этого какое дело?

– Люди воюют с аталь, – терпеливо, как ребенку, начал объяснять Тахор. Ирил уже знал эту манеру учителя: теперь надо очень внимательно слушать и лучше сразу всё понимать, Тахор плохо относился к дополнительным вопросам. – У аталь магия, у людей – нет. Но зато у них много-много всяких штук интересных, для смертоубийства предназначенных.

Взгляд торка загорелся. Ирил ни секунды не сомневался, что Тахору глубоко наплевать, кто там в Зеленом Лепестке победит. Его, как и любого торка, занимал сам процесс.

– На мой взгляд, силы равны, – продолжал Тахор. – Но тут, как раз в самый разгар заварушки, выясняется, что есть Пестик, где люди тоже могут использовать хальер. Причем гораздо эффективнее, чем сами аталь. И они тут есть.

– Кто «они»? – не понял Ирил.

– Люди, – Тахор все еще говорил тихо, но чувствовалось, что это край. С уточняющими вопросами пора заканчивать.

– Ага, – глубокомысленно согласился с ним Ирил. – А я тут при чем?

– Ты – человек, – очень медленно и очень ровно проговорил торк.

Ланья сжался – сейчас рванет. Но не задать следующий вопрос он не мог:

– А при чем я к Огненному Лепестку? Что аталь могут хотеть от меня?

Против обыкновения Тахор не сорвался:

– Ты – человек, и ты – халь, хоть и слабый. А значит, существует вероятность, что выступишь на стороне своих сородичей.

– Зачем? – изумился Ланья. – Зачем мне воевать с Зеленым Лепестком? Что плохого мне сделали аталь?

– У войны свои законы, мальчик, – немного грустно сказал Тахор, – вопросы «зачем» и «почему» хороши, когда вокруг мир и всё хорошо. А когда случается такое, как сейчас, никто не станет разбираться, как ты относишься к аталь. Жизнь штука длинная и непредсказуемая – завтра не знаешь, что будет. Так что проще с самого начала убрать всё, что мешает, и жить спокойно. А в таких игрушках, как война «раса на расу», – тут вообще все правила побоку. Ты уж поверь старому воину.

Он поежился, словно вспомнив что-то неприятное, и замолчал.

Ночь уже давно победила слабый отсвет уснувшего солнца, и в наступившей темноте контур сидящего торка угадывался еле-еле. Вместе с ним потихоньку пропадала и надежда Ирила.

– И что же мне теперь делать? – обреченно спросил он темноту.

– Нам, – поправила его темнота хриплым голосом наставника.

У Ланьи потеплело на душе. Тахор неожиданно поднялся на ноги одним движением. Легким и быстрым.

– Еще сильнее тренироваться, – каркнул он. – Готовься, сынок, дальше будет только хуже. Но одно тебе скажу: Тахора Гумануч-он никто до сих пор так и не смог закопать. И я планирую сохранить эту традицию. Ну и тебя немного научить тому же. А пока готовься много работать. И поменьше напоминай окружающим, что ты халь.

«Куда уж больше-то?» – простонал про себя Ирил. Но вслух этого не сказал, да и некому уже было. Учитель растворился в ночной темноте.

Глава 3

– Что видишь? – Сова ловким движением перевернула чашку с остатками доша на тарелку, подержала немного и подняла.

– Клякса? – с сомнением протянул Ирил.

Они сидели в небольшой таверне почти в самом центре Хайара. Старик Ррадушит держал эту таверну уже невесть сколько лет, но дош в ней варили все так же вкусно. Вкуснее всех в Хайаре. То ли потому, что Ррадушит был глеммом, а глеммы всегда отличались способностями к варке разных зелий, то ли дош он знал где покупать. А может, и потому, что все давным-давно знали, что самый вкусный дош – у Ррадушита. Знали – и всё тут. Они с Совой всегда ходили сюда, чтобы посидеть, поболтать, когда Ирил выбирался в Хайар.

– Может, и клякса, – лукаво улыбнулась Сова. – Но хоть что-то она тебе напоминает?

Вообще-то её звали не Сова, а Тилуи Неказке, обычное для Пестика человеческое имя, но еще в самом детстве её отец всем и каждому рассказал, что его очаровательная дочка ну никак не желает спать по ночам, а днем ее не разбудишь. Дочку он любил без ума и придумывал ей кучу ласковых прозвищ, но запомнилось всем почему-то только одно. И уже давным-давно Тилуи никак по-другому не называли. Она не возражала. Ирил тоже. Тем более что она по-прежнему предпочитала дню ночь. Все их безумные прогулки и самые интересные приключения приходились именно на ночи. Ирил уже перешагнул подростковый период (и то сказать, не мальчик уже – восемнадцать месяцев дождей, сахашей, встретил), но определить свое отношение к Сове он до сих пор так и не мог. В отличие от большинства простых и податливых девчонок Хайара (в самом северном поселении, как и во всем остальном Пестике, консервативные взгляды Лепестков приживались с трудом), высокая статная Сова всяких там вольностей никому не позволяла. Не то чтобы она прилагала много усилий, чтобы отшивать воздыхателей, нет. Просто одного ее взгляда обычно хватало, чтобы любой подвыпивший (про трезвых и говорить не приходится) рыбак или вольд тут же понимал: тут ловить нечего. Ирил иногда даже завидовал: надо же так уметь. Хотя именно эта ее способность и заставляла его держаться на расстоянии. Иногда он об этом жалел. Улыбчивая большеглазая девчонка не раз и не два приходила к нему во сне, окутывая его облаком светлых волос, но наяву Ланья слишком дорожил отношениями со своим, чего уж там, единственным, другом, чтобы проверять, не изменится ли что-то между ними, если...

Занятия с Тахором, темп жизни, да и удаленность их дома от Хайара никак не способствовали большому количеству друзей. В город Ирил выбирался редко, дома дел хватало, а мать с наставником и не старались найти ему друзей. Не потому, что не любили или им было наплевать на мальчишку, а потому, что, в дополнение к способностям к хальер, которые они старались прятать как могли, еще по совету Са-Сефары, с годами у Ирила появилась еще одна новая не радующая черта. Вспышки неконтролируемого гнева приходили внезапно и мгновенно. Ирил и сам не мог сказать, что в следующий раз вызовет его неудовольствие, но, когда это случалось, рядом было лучше не находиться. Единственным человеком, на которого он и помыслить не мог поднять руку, была мать. Всем остальным лучше было прятаться. Ланья бросался даже на Тахора. На того, к счастью, бросаться было бессмысленно – как водой из чашки на гранитную скалу плескаться, но всё равно... Хорошо еще, что торк никогда не расставался со своими амулетами, блокирующими хальер, торки мастера на такие штуки: Ланья и магию пускал в дело, не задумываясь.

Ирил был бит наставником не раз и не два. Без толку. Тахор пытался научить его боевому самоконтролю, как принято у торков. Бесполезно. Вбивал сдержанность на уровне рефлексов – не работало. Упрямый торк попыток не бросил, но добился лишь того, что Ирил стал внешне похож на типичного представителя высшего дворянства аталь – халиона. Бесстрастный пре-

зрительный правитель Ветви, не больше и не меньше. Тем страшнее на фоне его бесстрастия смотрелись вспышки ярости.

А вторым человеком в жизни Ирила, на которого его вспышки не распространялись никак и никогда, стала именно Сова. Нельзя сказать, что в ее присутствии он становился спокоен, как дас, морской моллюск, живущий всю жизнь на одном месте. Срывался он еще как, но Сова могла совершенно спокойно ходить перед его носом и указывать ему, что делать. И Ирил слушался. Сам изумлялся, но слушался. Для его гнева Совы не существовало.

Ирил запутался взглядом в облаке волос Совы, поддавшись воспоминаниям, и пропустил очередной вопрос.

– Ты что, меня не слушаешь? – Маленький кулачок больно врезался в бок.

– Ох, – вернулся на землю Ланья, – слушаю, конечно.

– Если медленно поворачивать, что видишь?

Ирил поднял брови домиком и виновато сдался:

– Дош разлитый.

– Эх ты, приземленная твоя душа, – махнула рукой Сова.

Она озорно улыбнулась, воровато оглянулась по сторонам и поманила Ланью пальцем:

– А теперь смотри...

Ирил честно устался на блюде. Разлитые остатки доша (Сова уверяла, что этот ритуал до сих пор используется в Огненном Лепестке) честно покоились на белой поверхности. И вдруг...

– Ты что делаешь?

Капельки темной жидкости начали сползаться друг к другу, превращаясь в морду абарата-невидимки. Круглый глаз уставился на Ирила. Потом моргнул. Раз, другой.

– Стой, – Ирил схватил девушку за руку. – Не делай этого! Это же хальер!

– И что? Что я такого сделала? – Недоумения в огромных глазах Совы хватило бы на троих.

– Ты что, не знаешь, что аталь воюют с людьми? – Ирил не выпускал руку.

Сова оглянулась по сторонам с извиняющимся выражением лица. Мол, извините, не переживайте, ничего страшного, этот дурачок со мной.

– Знаю, Ирил, – преувеличенно спокойно проговорила она. – Это все знают. Они уже год воюют. Ты не переживай только так сильно.

Действительно, с момента того разговора с Тахором на берегу моря прошел почти год. Только-только закончился сводящий с ума своим мелким дождем очередной сахаш. Жизнь потихоньку входила в привычную колею, и Ирил бы успокоился, если бы не наставник. Тахор весь этот год не переставал твердить о нависшей над Ланьей угрозой. Пугал, упрашивал, убеждал, заставлял, ограничивал и всё такое... И Ланья поверил. Он и сам теперь всё реже и реже трогал линии хальер, даже находясь в одиночестве.

– Ты что, не понимаешь, что, пока идет война, такие, как ты и я, – в опасности? – Не выпуская руки девушки, он наклонился над столом, поближе к розовому уху, полускрытому светлыми локонами. Это отвлекало, но Ирил держался – вопрос был серьезным.

– А что я делаю-то? – Сова приняла правила игры и тоже почти шептала. – Я же не такой сильный халь, как ты. Про хальер знает только отец и вот теперь ты. Хотела похвастаться. Я же ничего не меняю. Смотри, дош-то не двигается – это только ты видишь.

Она выпрямилась и гордо тряхнула волосами:

– Я называю это «хальер разума».

Хоть Ланье и стало тепло на душе от такого доверия, но наставления Тахора засели все-таки очень глубоко. Ирил тут же притянул ее обратно.

– Глупенькая, – зашептал он ей на ухо, впервые позволив себе такое обращение, – как говорит Тахор, нельзя быть чуть-чуть беременным. Или ты трогаешь линии хальер, когда делаешь вот эту свою штучку, или нет. А настоящий халь такое сразу почувствует. И тогда – конец.

– Да ну тебя с твоими предостережениями, – Сова высвободила руку. – Ты уж не перебирай с этими страхами. Кому я тут нужна...

– Кому нужна? – зашипел Ирил. – Да знаешь, сколько вокруг может ушей лишних виться?

Он хотел было объяснить ей все ясно и просто, как ему самому объяснял Тахор, но слова не складывались. У учителя всё понятно выходило как-то само собой, а у Ирила почему-то получался скомканный бред. Выражение лица Совы яснее ясного говорило, что с риторикой у Ланьи проблемы. Она терпеливо слушала, готовясь вставить хоть слово, когда получится, но неожиданно в ее лице появилось еще что-то.

Ирил, уловив перемену, замолчал.

– О, голубки воркуют. Какая сцена, – раздался вдруг за спиной Ирила мелодичный голос.

Ланья скривился. Вот уж кого он сейчас никак не хотел видеть, так это Дамадика. Высокий изящный аталь, сын одного из Старших рыбацких Команд, ремесло отца откровенно презирал, равно как и всех тех, кто им занимается. Он грезил Зеленым Лепестком, величием халь Ветвей и к вольдам относился как к неизбежному злу, с которым пока приходится мириться. Ходили слухи, что у него есть способности к хальер, но, в отличие от самого Ирила, его никто за этим занятием не видел. Что не мешало, впрочем, Дамадику вести себя как какому-нибудь зол-итану, внебрачному сыну правителя Ветви. Он преклонялся перед халь Зеленого Лепестка, подражая им во всём: в одежде, обуви, манерах. Он даже прическу носил, как настоящий халь (во всяком случае, так, как их описывали в Хайаре): длинные прямые волосы до лопаток. Это, по его мнению, должно было показывать его непричастность к простонародью. Плюс серьги в ушах – знак халь (то, что по серьге в каждом ухе – отличительный знак на-халь, высшего сословия магов Зеленого Лепестка, Дамадика не смущало нисколько). Для вольдов, ежедневно скачущих по Территориям и океану, такая красота – роскошь непозволительная, и Ирил откровенно сторонился бездельничающего балбеса. Тот платил ему тем же.

И всё бы ничего, но все свое свободное время Дамадик посвящал если не следованию путем предков (читай: прихорашиванию и чтению якобы книг по хальер), то воинскому искусству. Во всяком случае, так, как он его понимал. В итоге получилась довольно агрессивная и презирающая всех и вся личность, остро нуждающаяся в общественном признании. К вольдам постарше он соваться не рисковал – тем и Твари из Территорий нипочем, куда уж там какому-то самоучке, а вот молодняку от него доставалось. Иногда сильно. Ланья до сих пор удавалось благополучно избегать конфликтов с ним. И во многом благодаря наставлениям Тахора. «Лучшая драка, мальчик, это та, которая не состоялась», – не уставал твердить тот. Вот и старался Ирил по мере сил не связываться с раздувающимся от собственной значимости аталь. Но сейчас, похоже, был не тот случай.

– Обсуждаете высший смысл хальер? – хихикнул за спиной Ланьи Дамадик. – Или придумываете, где бы совокупиться? Как думаешь, найдут местечко?

Судя по интонации, последний вопрос он задал своему вечному спутнику, Тунне, дубликату самого Дамадика. Только дубликату явно неудавшемуся и какому-то... бледному, что ли. Тот хрюкнул в ответ что-то неразборчивое. Обычно Дамадик не начинал беседу настолько по-хамски, но в этот раз его, видимо, кто-то сильно разозлил. Судя по всему, парочка искала, куда бы слить раздражение.

И тут до Ирила дошел смысл сказанного. Про него. И... Сову!!!

– Что?! Да я теб...

– Сидеть, – узкая рука легла на плечо и прижала Ланью к стулу.

При всей внешней хрупкости, в противостоянии «сила на силу» человеку против аталь ловить нечего. Любой представитель Старших Рас сильнее человека. Неведомый Творец при

создании Клевера не только лишил людей магии, но и явно обделил физической силой. Так что в представлении Дамадика любой человек являл собой идеальную мишень. К молодецким забавам вольды относились терпимо, мол, пусть дети учатся постоять за себя. Так что, зная эту парочку, можно было не сомневаться, что трепка Ирилу обеспечена. Сову, скорее всего, не тронут, это тебе не Территории. За насилие над женщиной голову оторвут на счет «раз», а вот парню может не поздоровиться. Но это только если парня зовут не Ирил Ланья.

Мутная пелена начал заволакивать глаза Ирила, предрекая слепящую белизну той самой неконтролируемой ярости.

– Ирил, не надо, пожалуйста, – просящий голос Совы пробился через пелену.

Ирил моргнул. Не надо так не надо. Сова имела право просить.

– Че, обоссался? – Рука, лежащая на плече несильно (пока несильно) тряхнула его.

Ланья чуть улыбнулся. Действительно, ярость здесь не нужна. Дамадик никогда не слышал наставления Тахора. А Ирил слышал. «Чем больше шкаф, тем громче падает, – говорил тот. – Запомни, мальчик, на любую силу всегда найдется другая сила, только действующая в несколько ином, правильном, направлении. Иначе давным бы давно все мы перебили бы друг друга, а оставшихся доели бы Твари». Тахор знал, о чем говорил. Невысокое племя горных торков просто обязано было научиться противостоять более рослым и сильным равнинным соседям, чтобы не быть уничтоженным. Хрупкий мир Торквинии, Желтого Лепестка, держался и держится исключительно на равенстве сил. Торки воевали на протяжении всей своей истории. Когда не находилось внешнего врага, искали кого поближе, среди своих. И это продолжается до сих пор. Замкнутость Клевера ничему торков не научила. Так что любой торк, остающийся в живых, имеет полное право преподавать воинскую науку, он это заработал. Теперь пришло время проверить идеи Тахора в жизни.

Ирил мягко стёк со стула набок. Дамадик, естественно, попытался его удержать и немного наклонился вперед, за что немедленно и поплатился. Ирил вскочил.

Мгновенно подниматься из любого положения – это было одним из двух действий, которые первыми вбил в непослушное детское тело Ирила жестокий Тахор. Другим действием было падение. Падать – подниматься, падать – подниматься, падать – подниматься... И так до бесконечности, до одури, до отупения и бесчувственности. Сколько раз Ирил катался по полу, земле, скалам, мелководью, он даже приблизительно сказать не мог, но раз Тахор перестал над ним издеваться – значит, научил.

Одним движением Ланья оказался на ногах. Руку аталь, которую тот так и не успел отпустить, он еще немного сам придержал, поэтому, когда Ирил оказался стоящим за спиной Дамадика, тому ничего не оставалось, как только послушно согнуться, подставляя беззащитное брюшко под летящее колено.

«А пресса-то у тебя никакого», – позлорадствовал Ирил, вспоминая свои отбитые о каменные мышцы учителя ноги. Горячий поклонник легендарных на-халь грузно рухнул на пол. Ирил поднял голову и залихватски подмигнул Сове... И полетел вперед, получив страшный удар в голову.

«Тахор меня убьет», – сквозь отупляющую боль пробилась досада. Падать, вставать и бить наставник научил хорошо. Так, что голова в процессе даже не участвовала. А зря, как оказалось. Тахор еще учил, что в драке стоять на месте можно только в одном случае: когда тебя уже убили, и ты теперь решаешь, в какую бы сторону покрасивей упасть. И никак иначе. А он раззявил пасть, щенок глупый...

Когда марево боли немного отступило, Ирил понял, что он опять не может нормально двигаться. Жаждавший реванша Дамадик припер его стулом к стене, чтобы исключить ноги, и взял за горло. Руки у аталь оказались немного длиннее.

– Убью, грязь! – Красивое лицо аталь перекосила гримаса ненависти. Его напарник стоял рядом, контролируя ситуацию. Мало ли еще раз придется по голове бить.

– Оставьте его! – Сова бросилась на помощь.

– Погибни, – Тунна махнул рукой, и Сова покатила по полу, зажимая лицо руками.

Белый слепящий полог упал внезапно. Не было даже обычной предваряющей его мутной пелены. Мир превратился в один режущий глаза белый свет, через который неясными контурами проступали фигуры противников. Н-на – правая фигура покатила в сторону и замерла. Теперь ты, второй, кто бы ты ни был. Н-на... Н-на... Н-на... Ничего. Всё осталось на своих местах. Белый мир начал качаться, это оставшаяся фигура начала отвечать. Ах так! Где же оно? В потоке белого света появились белые же трубы, трубки и трубочки. Линии хальер. Какая удобней? Эта. Получи! И – ничего. Только на груди силуэта появилась красная точка, становящаяся больше и больше. Где-то такое уже было. Ах да, амулет, блокирующий хальер, у Тахора был такой же. И что? Свет начал тускнеть. Он никуда не делся, но стал менее режущим. Через него начали проступать черты искаженного лица аталь и доноситься какие-то звуки.

– ...ить меня. Меня са... .. ка! Убью тебя... Я и твою ссачи греб...

Откуда-то сбоку донесся женский всхлип.

Этого хватило. Свет стал нестерпимым. Но Ирила это уже не волновало. Все бытие сосредоточилось на одной красной точке, пульсирующей на груди стоящей перед ним фигуры. Свет превратился в тоннель, затем в трубу, затем в копьё и в итоге стал такой же точкой бушующей белизны. И эта белая буря понеслась вперед. Туда, где красным светом пульсировал тот, кто жить не должен. Удар! Мир зазвенел, но устоял. Удар! Удар! Еще! Еще! Еще! Пф-ф-ах-х-х.

Красно-белое конфетти рассыпалось вокруг, и Ирил медленно сполз по стене. Он опять был у Ррадушита. Со смятой скатерти капал разлитый дош, переломанный стул валялся рядом, а перед ним на корточках сидела Сова и, заливаясь слезами, всё гладила и гладила его по голове. Ирил посмотрел в ее глаза, полные заботы и переживания, умилился, преисполнился счастья – и с чувством выполненного долга решил немного полежать в обмороке.

И, уже закатывая глаза, он зацепился взглядом за какой-то чужеродный предмет. Доля секунды ушла на осмысление, и блаженный обморок, сокрушенно вздохнув, убрался в сторону. Отдохнуть не получится.

У противоположной стены сломанной куклой валялся человек. Окровавленного лица не разобрать. Нет, не человек. Длинные волосы, зеленые одежды, высокие каблуки вычурных сапог. И по серьге в каждом ухе. Ирил не так много трупов видел в своей жизни, чтобы говорить определенно, но Дамадик явно вставать не собирался.

– Что с ним? – хрипло спросил он.

В ответ Сова только всхлипнула.

Глава 4

– Балбес, – бросил через плечо Тахор, стоящий у окна и смотрящий, как несущая ливень туча накрывает океан. – Кроме как балбесом и дураком, я тебя назвать никак не могу. Хотя – нет, ты даже не дурак. Недотянул. Ты – придурок.

Учитель разорвался уже давно, и к этому моменту накал его высказываний несколько спал. Гертадон, начальник городской стражи, гертадинов, ушел где-то час назад. Он доставил Ирила домой после того, как все детали произошедшего были разъяснены, свидетели опрошены, тела унесены. Всё это время Ирил сидел в погребу у Ррадушита (тюрьмы в Хайаре отродясь не было). Теперь пришло время отправить его домой. Если честно, то Ирил предпочел бы еще немного посидеть в подвале – объясниться с Тахором по поводу произошедшего желания не было никакого. Но тут выбирал не он. Охающую и всплескивающую руками мать Тахор почему-то отправил немного пожить к подруге, пообещав, что теперь он не отпустит Ирила ни на шаг. Ланья был даже немного рад такому развитию событий. Сидеть дома ему теперь предстояло долго, пока совет Старших города не определит, каким будет наказание. Таков закон. Так что у Тахора будет возможность еще не раз и не два объяснить ему, кто он на самом деле, а Ирил не хотел, чтобы мама слышала, как его тут костерят. Хорошо еще, что во всей этой суматохе никто даже не упомянул о том, что до драки Сова баловалась магией.

– Я не хотел, – Ирил попытался вставить слово в непрекращающийся монолог наставника, но только подлил масла в огонь.

– Он еще и не хотел, – воздев руки, возопил Тахор. – Я же и говорю – придурок. Недоделок, если точнее.

– А что такого?.. – не понял Ирил.

– Ничего, – торк одним движением оказался рядом, его палец уперся Ланье в нос. – Ты бы уж молчал, что ли. Не хотел он... Придурок, – определение Тахору явно пришлось по душе, – если ты решил кого-то убить, то надо убивать. Врага, которого ты так бьешь, оставлять в живых нельзя.

– А Дамадик что, выжил? – оторопел Ирил. Все это время он старательно привыкал к мысли, что теперь он – убийца.

– Ты что, и этого не знаешь? – изумлению торка не было предела.

– Э-э-э... нет, – осторожно ответил Ланья.

– Дважды придурок, – выдохнул Тахор. – Как же ты ситуацию контролировал, что ничего не знаешь, ничего поделаться не мог?

Ирил вздохнул:

– Я ее не совсем... э-э-э, несильно... ну, в общем, никак ее не контролировал.

Тахор замолчал и долгим взглядом начал буровить дырку где-то в районе переносицы Ланьи. Потом повернулся и горестно пожаловался одиноко стоящему посреди комнаты стулу:

– Вот так живешь и не знаешь, что труды последних десяти лет разом пошли прахом.

Стул промолчал. Наверное, в отместку за это Тахор с силой пнул его ногой и резко вернулся к Ирилу:

– Ничего не знаю, ничего не контролировал, ничего толком не сделал, – передразнил он Ланью. – А как ты вообще влез в эту драку?

– Они оскорбили и ударили Сову, – вскинул голову Ирил. В его глазах зажегся огонек былой ярости. Эту почву он чувствовал, и здесь его было не сбить.

– Ударили Сову... – эхом отозвался торк. Вопреки ожиданиям он не принялся снова прохаживаться по поводу умственных способностей Ирила, а всего лишь задумчиво пожевал губами. – Ну что ж, это оправдание для воина.

И резко глянул в глаза Ланьи:

– Так почему же ты его не убил тогда?

– Не знаю, – Ирил отвел глаза. – Я не помню ничего. Бил сильно. Убить хотел. Почему не получилось – не знаю.

– Давай подытожим, – обманчиво мягко проговорил Тахор. – Сначала – с моей точки зрения: ты был с женщиной, твоей женщиной, её ударили, и ты не убил уroda.

– Я думал, что убил, – вскинулся Ирил.

– Думал и сделал – разные вещи, – прищурился торк. – Разницу чувствуешь? Ты не проверил. На будущее урок: всегда убедись, что добил. И не думай, как при этом будешь выглядеть со стороны. В таких вопросах благородство – для идиотов. Или слабаков, которые оправдывают свое бессилие.

Ланья нахмурился, но промолчал. Крыть было нечем. Осталось определиться: он кто, идиот или слабак?

– Вижу, уловил, – удовлетворенно кивнул Тахор. – Теперь с твоей стороны посмотрим. Для начала ты на весь город крикнул: «Я – халь». Очень умно.

Ирил неопределенно пожал плечами. Ну да.

– Потом, – продолжал торк, – ты нанес тяжелые увечья одному из жителей города, и теперь твои все действия будет пристально рассматривать совет Старших. То есть ты становишься центральной фигурой для сплетен и слухов. Причем ты – человек, а тот, кого ты покалечил, – аталь. Как тебе картинка со стороны?

Ланья опять пожал плечами. На сей раз обреченно.

– И на десерт – ты оставил в живых злобного и сильного врага, у которого теперь есть очень большое желание тебе как минимум отомстить.

Тахор приглашающе поднял брови, но Ирил промолчал: комментарии тут были излишни.

– Ну и кто ты после всего этого? – Торк, в отличие от Ланьи, противников всегда добивал.

– Придурок, – искренне согласился с ним Ирил.

Наставник внимательно посмотрел на него, пытаясь понять глубину искренности. Убедился, что Ланья честен, и махнул рукой:

– Ладно, считай головоломку законченной.

Он вытащил из ножен лесной нож, зачем-то проверил бритвенную остроту клинка и начал поигрывать им, подбрасывая и ловя за лезвие.

– А расскажи-ка мне, – нож летит вверх, – как ты умудрился, – торк ловит его за лезвие и мгновенно перехватывает за рукоять, – пробить амулет у Дамадика?

Тахор резко повернулся, и нож, вылетев из-под руки, с глухим стуком вошел в дверной косяк. Торк неспешно направился за ним.

– Ведь не безделушка на нем была. Наш амулет, торкский. Жутко дорогой. Я даже мастера знаю, который его делал.

Он выдернул нож из косяка и повернулся к Ирилу.

– Ты с него и пылинку не должен был сбить при помощи хальер. Ан нет – поломал, как куклу. Чего молчишь? Рассказывай.

Ирил задумался:

– Да нечего особо рассказывать. Я его начал бить, а потом смотрю – на нем точка какая-то красная. Я ж не соображал ничего. Ну и начал долбить по этой точке. Долбил, долбил – и пробил. Жутко я злой на него был. Тем более, – неожиданно он решился рассказать Тахору всю правду, – что я еще перепугался, что кто-нибудь про Сову узнает.

– Да? – поощрительно подтолкнул его торк.

– Да нет, – покривился Ланья, – я не про то. Тут-то как раз ничего и не было... А жаль... Дело в том, что до прихода этих уродов она мне фокусы разные показывала. Оказывается, она тоже халь. «Халь разума», как она себя называет.

Тахор резко остановился, как в стенку воткнулся:

– Кто тебе сказал, что она – «халь разума»?

– Никто, – Ирил даже испугался тона, каким был задан вопрос. – Она сама себя так назвала. А что?

– Да так, ничего, – взгляд Тахора остановился. В задумчивости он начал тянуть свой султан на макушке, как будто хотел его оторвать. – Ничего, кроме... – он поднял глаза; – Что за фокусы она тебе показывала?

– Дош на блюдце начал менять форму, перетекал как бы, – осторожно сказал Ирил. – Превратился в морду абарата, глазом мне подмигнул. Я испугался, что кто-нибудь увидит, но Сова сказала, чтобы я не переживал. Для всех этого нет, вижу только я.

Он замолчал и выжидательно посмотрел на торка. Тахор опять впал в несвойственную ему задумчивость. Даже губы вытянул трубочкой, почти превратившись в сотта-топтуна, Тварь из Территорий, массивную, с огромными ушами-наростами, когтями на колоннообразных ногах и длинным гибким хоботом, усеянным зубами. Ирил как-то видел такого в книжке. Тахор стал очень на него похож. Только размером не вышел, ну еще и морда, пожалуй, поуродливей. От такого сравнения Ланья даже хихикнул.

– Весело? – поинтересовался оторвавшийся от раздумий наставник. – Ну-ну, самое время веселиться.

Ирил стер с лица ухмылку. Судя по лицу Тахора, веселого было действительно мало.

– Что-то серьезное случилось? – спросил он.

– Как тебе сказать, – пожал плечами торк. – Я все-таки не специалист в хальер. Я – воин. Мне про хальер надо знать только то, как от узоров защищаться. Все что я тебе рассказываю, это я так, по верхам нахватался. А сейчас, я так думаю, тебе настоящий совет нужен.

– Неплохо бы, – хмыкнул Ирил. – Только кто мне его даст?

– Попробую что-нибудь придумать. – Тахор накинул куртку и обернулся в дверях: – Я думаю, тебе не надо напоминать, что из дома – ни шагу?

– Куда я денусь, – развел руками Ланья. – Я ж преступник.

Торк удовлетворенно кивнул, и дверь за ним закрылась. Ирил начал расхаживать по комнате. Дел, которыми можно было заняться дома, не придумывалось, а на улицу действительно было нельзя. Тюрьмы в Хайаре, как и в большинстве баронств Пестика, не было, но это не означало, что тут рай для преступников. Еще с самого основания Пестика первые бароны, определяя будущий уклад жизни, ввели жесточайшие рамки для преступивших закон. Дела рассматривались либо бароном лично, либо советом Старших вольдовских Команд. Иногда всеми вместе. Решения принимались очень быстро. Нельзя сказать, что всё было всегда справедливо, но и бароны, и вольды мирились с неизбежными единичными погрешностями. Тем более, если выяснялось, что кого-то осудили ошибочно, пострадавший получал такую компенсацию, что жаловаться даже не приходило в голову. Процедура следствия была максимально проста: подозреваешься – марш домой, сиди, жди решения. Решение вынесли – вперед, исполнять. Самым распространенным приговором было исправление содеянного. А для особо тяжких преступлений предусматривалось всего два варианта наказания. Либо смерть, либо – пошел вон из Пестика обратно в свой Лепесток. Что хочешь там, то и делай. Вздумаешь вернуться – точно прикончат. Нарушить процедуру, скажем, сбежать из-под домашнего ареста или не выполнить решение суда, было нереально. Во-первых, любой вольд, который тебя увидит, первым делом попытается убить нарушителя закона. В Пестике это даже не обсуждалось. Сбежал – смерть. А во-вторых, как раз для таких любителей прятаться, из Клевера привозили судебные узоры-заклинания либо в виде амулетов, либо в магиприпасах. Разница в том, что магиприпас высвобождает заряженный в него узор один раз, а амулет действует очень долгое время. Которое зависит от мастерства изготовителя. Бывает, одного амулета хватает на всю жизнь нарушителя. Магиприпасы использовались для поиска и, иногда, немедленного исполнения приговора в отношении нарушителей судебной процедуры. А амулеты применяли тогда, когда нужно было

гарантировать, что преступник не уйдет от возмездия. Тот, кто захотел бы нарушить приговор о выдворении из Пестика и вернуться, прямо на входе рисковал получить молнию в глаз или какую-нибудь Тварь, материализующуюся в ожидании именно его. Конечно, случаи бывают разные и амулеты бывают разные. Те же торки, к примеру, могут изготовить и защищающий от подобных узоров амулет. Однако жить в постоянном ожидании меча, которым первый же опознавший постарается смахнуть тебе голову, то еще удовольствие.

Такие же магиприпасы использовались и для допросов. История Старших Рас уходила в невероятные глубины, так что за это время, имея в распоряжении хальер, разработать эффективные способы узнать правду труда не составляло. А продавать узоры, служащие благим целям, в отличие от боевых узоров например, Лепестки не отказывались никогда.

Так что Ирилу ничего не оставалось, как метаться от стены к стене в надежде, что наставник что-нибудь да придумает, что совет Старших оправдывает его и что никто не донесет никаким аталь о том, что он тут устроил хальер-представление.

Темнело. Ланья уже пересчитал все бревна в стенах, просмотрел весь дождливый пейзаж за окном и лично перезнакомился со всеми мухами в доме, когда наконец дверь скрипнула и, стряхивая воду, вошел Тахор. За его спиной в проеме двери виднелась высокая фигура. Ирил встрепенулся, узнавая:

– Са-Сефара?!

– Здравствуй, мальчик, – старая торквани ничуть не изменилась с того последнего раза, когда оставила в его доме и жизни злобное уродливое чудовище по имени Тахор. – Рано или поздно это должно было случиться с тобой, и я, если честно, даже немного рада, что ты сейчас уже хоть что-то умеешь. Хотя я предпочла бы подождать еще несколько сахашей.

– Так вы – халь? – Ирил переводил непонимающий взгляд с торквани на Тахора.

– У нас это называется – шаман, – напомнила торквани. Она сняла длинную накидку, закрывающую всё тело от дождя, повесила ее на стул и повернулась к Ланье: – Да, сынок, я самый маленький и слабый шаман-утэ в нашей Шаманерии, которой повезло почувствовать мощь Пестика.

– Так вы... – Ирил вжался в стену. Неужели все эти рассказы про аталь – вранье, прикрытие, а бояться надо было вовсе не их?

– Нет, – усмехнулась Са-Сефара. – Ты всё неправильно понял. Ни у Шаманерии, ни у Желтого Лепестка надо мной власти нет. И точно так же, как ты, я не желаю, чтобы хоть кто-нибудь там узнал о моем существовании. Именно поэтому я так хорошо разбираюсь в перспективах халь в Пестике.

– А почему?.. – Ирил сначала ляпнул, а потом сообразил и стушевался.

– Потому, – спокойно ответила торквани. – У каждого из нас есть свои Твари в походной сумке. Сейчас не место и не время их доставать. Просто прими на веру, что мне, как и тебе, придется очень и очень хорошо и долго прятаться. Хотя у тебя с твоей подружкой, кажется, появился шанс.

– Да? – распахнул глаза Ланья.

– Да, – Са-Сефара уселась за стол и улыбнулась. – Но сначала я бы предпочла что-нибудь выпить. Спешить нам пока некуда, до совета время еще есть, а пока тебе все равно здесь сидеть. Дош у вас есть?

– Конечно, – кивнул Ирил и сорвался с места. Дош и табак дома были всегда. Тахор без этих вещей жить не мог, и мальчишкой Ирилу частенько доставалось, если что-то кончалось. Теперь помнить о запасах доша и табака в доме стало у него уже рефлексом. К дымящемуся зелью торка Ирил так и не привык, а вот дош полюбил, и даже, по словам Тахора, почти научился его готовить.

Когда дош был сварен, а трубки торков раскурены, за окном уже стемнело. Ароматный дым (Ирил всегда удивлялся: почему он так вкусно пахнет со стороны и такой гадостный, когда

сам пробуешь) висел над столом, окутывая таинственной завесой горящую лампу. За окном бесновался принесенный ветром шторм, но в доме было тихо и тепло. Полутени мягко устранивались на ночь по углам. Теплые шкуры, лежащие на креслах, придвинутых к столу, обещали приятные посиделки. Вечер можно было бы назвать уютным, если бы не два переломанных тела, над которыми колдовали сейчас врачи, не воюющие с Огненным Лепестком аталь, и не напряженное лицо Тахора, старательно прячущего беспокойство.

Са-Сефара выпустила клуб дыма и взялась за чашку. Тахор и перенявший добрую половину его привычек Ирил предпочитали огромные кружки со средней крепости дошем, чтобы надолго хватало и не приходилось бегать туда-сюда по двадцать раз. Торквани же попросила невероятной крепости дош в ма-а-аленькой чашечке. Ирил замучился выпаривать воду, чтобы получалось так, как она хотела. Но его старания были вознаграждены. Сделав глоток, Са-Сефара в восхищении подняла брови:

– Мальчик, да ты мастер доша. Что ж, по крайней мере чему-то одному Тахор тебя научил как следует.

– Ну, иногда у него получается, – скрипуче выдавил из себя наставник.

Ирил подавил улыбку.

– Итак, – Са-Сефара откинулась на спинку кресла. – Что произошло, я знаю, так что нет нужды повторяться. А вот чего я не знаю во всей этой истории – так это двух вещей: то, как ты разбил амулет, и то, что делала твоя подружка. Не можешь рассказать поподробнее?

Ланья вздохнул. Повторяться не хотелось совершенно, но не откажешь же Са-Сефаре. Весь рассказ занял несколько минут, за которые Ирил еще раз увидел все свои глупости, которые он умудрился наделать. Стыдно стало невероятно. Закончив рассказ, он съезжился в своем кресле, вцепившись в чашку с дошем, как в спасательный круг. И даже немного пожалел, что не курит. То-то удобно было бы сейчас начать раскуривать трубку. И заниматься этим часа эдак два.

– Интересно, – задумчиво повертела в руках чашку торквани, выслушав рассказ. – Даже очень.

Ирил выдохнул. Кажется, очередной головомойки не будет. Са-Сефара смотрела на произошедшее с другой стороны.

– Ну, что я тебе скажу, – торквани вынырнула из своей задумчивости. – За Сову ты можешь одновременно и беспокоиться, и нет. За то, что ее могут определить как халь разума, ты можешь не беспокоиться. Это направление как раз и отличается тем, что его невозможно увидеть со стороны. Их узоры чувствуют только те, на кого они направлены. Да и то еще далеко не каждый сможет распознать, что его накрыли узором разума. Очень хитрая школа и очень специфичная. И вот как раз тут и можно начинать паниковать. Халь разума по сути своей редки. Их и так мало, и живут они, как правило, очень и очень недолго. Трудно всё время ходить по краю реальности. И очень трудно всегда знать, когда и где эта реальность заканчивается. Быть уверенным, что то, что ты видишь, – не твой узор, а настоящая жизнь. И наоборот. Они почти все заканчивают одинаково – сходят с ума. И в лучшем случае умирают тихо и сами. А в худшем... – она сделала глоток доша. – Воевать с сошедшим с ума халь разума – то еще занятие.

– То есть Сова... – Ирил не смог договорить.

– Не факт, – помотала головой Са-Сефара. – Про людей – халь разума я никогда ничего не слышала. У вас интенсивность связи узоров с ариль, по-вашему душой, может быть значительно ниже.

Она выдохнула перед собой клуб дыма и загадочно посмотрела сквозь него на Ланью.

– И тогда открываются очень интересные варианты. Тем более что в свете последних событий...

Заинтригованный Ирил подался вперед, но торквани резко поменяла тему:

– Теперь про тебя. Тут всё просто. То, что ты – халь, с сегодняшнего дня не в курсе только младенцы. Разбить торкский амулет-блокиратор – это представление, которое пропустить невозможно. Время, когда тобой заинтересуются Старшие Расы, – вопрос нескольких дней. В лучшем случае – недель.

– Аталъ? – уточнил Ирил.

– Все Старшие Расы, – покачала головой торквани. – Халь, могущий пробить наш амулет, – это интересно всем. С той разницей, что наши постараются сначала понять, как ты это делаешь, а потом побыстрее тебя убить – еще не хватало, чтобы ты тут учеников наплодил. Глеммы утянут тебя к себе – они любят, чтобы все происходило неторопливо, размеренно, в их лабораториях. Но они тебя сухо выжмут. А аталъ? – Она слегка улыбнулась. – Ну, реакцию аталъ нетрудно представить. Стрела в глаз, прежде чем ты сможешь это понять. И только в самом крайнем случае они могут захотеть тебя препарировать. Если что-то глобально изменится. Как сейчас, например.

– Са-Сефара, извините, – Ирил постарался, чтобы вопрос звучал как можно мягче, – но вы уже в третий раз намекаете на что-то. Что случилось?

– Что случилось? – подал голос Тахор. – Что случилось, это я тебе расскажу.

Он встал, не выпуская из рук кружку с дошем и трубку, и подошел к окну.

– День сегодня странный какой-то, – поделился он, присматриваясь к непогоде, бушующей за окном. – То шторм упадет, когда его не ждут. То халь доморощенный со шенком каким-то подерется. То люди эти...

– Что – люди? – вообще ничего не понял Ланья. Голова потихоньку начала идти кругом.

Видно, это отразилось как-то на его лице. Са-Сефара увидела.

– Не надо, Тахо, – попросила она из своего кресла. – Не долби его больше. Ему уже хватит. С тем что он сегодня пережил, ему и так много.

– И чего это ему сегодня много? – сварливо поинтересовался от окна Тахор. – Подумаешь, подрался один раз. Делов-то.

Он презрительно фыркнул, но смиловился:

– Ладно. Слушай. Всё произошло вчера, но узнали мы сегодня утром. Аталъ устроили контрнаступление и в один день вышибли людей из всего Зеленого Лепестка. Что уж там они сделали и как это у них получилось – пока неизвестно. Но факт тот, что люди все убралась обратно в Огненный Лепесток. Всё опять стало как до войны. Аталъ сунулись было сами в Огненный, но тут уж люди не сплеховали – вышибли зеленых как миленьких.

– И что это значит? Для нас, я имею в виду? – Ирил ровным счетом ничегошеньки не понял из сказанного.

– А это еще и не всё, – ухмыльнулся Тахор. – Вчера вечером из Территорий с жутким каким-то боем вырвалась Команда глемма Теренса, слышал про такого?

– Один из пяти членов Совета Старших Команд в баронствах, правильно? – уточнил Ирил.

– Угу, – подтвердил Теренс. – Выходили они отбиваясь чуть ли не от лапинаэира, помнишь что такое?

– Да, – коротко кивнул Ланья. Твари такого калибра запоминаются и против воли.

– А самое интересное, что они вытащили из Территорий штук тридцать халь Огненного Лепестка, которые не смогли почему-то вернуться к себе. К нам провалились. Придется им теперь задержаться. Всё понятно?

– Да, – глядя бараньими глазами на Тахора, подтвердил Ирил. – То есть нет.

Са-Сефара была права. Ирил потихоньку начинал переставать воспринимать происходящее. Безумный день брал свое. К чему тут какие-то халь? Да еще из Огненного Лепестка. Ему от этого ни холодно ни жарко.

– Если ты помнишь, – подала голос из своего кресла торквани, – то из Пестика ты можешь отправиться в любой Лепесток, кроме Огненного. Тут людям не свезло. Как обычно. А перемещаться им домой через Старшие Расы после всего, что случилось, – не самая лучшая идея. Или ты про другое спрашивал?

– Про другое, – благодарно подтвердил Ирил.

– А вот тут и начинается самое интересное, сынок, – Са-Сефара отложила в сторону трубку, отодвинула чашки и оперлась на стол. – Боевые халь Огненного Лепестка в Пестике (а никем другим они быть не могут) – это удар по всем халь Клевера. Если эти халь смогут тут прижиться, то у людей появляется масса возможностей для совершенствования в хальер, что раньше для них было недоступно. Как думаешь, рады будут этому остальные Лепестки? Я думаю, что нет.

Ланья замотал головой, показывая, что он тоже так думает.

– И вывод из всего этого, – продолжила торквани, – я полагаю, будет таким: Лепестки устроят в Пестике охоту на любого, у кого есть хоть капля способностей к хальер. И уже неважно, человек это или кто другой. Тут уж принцип простой: вали всех, Несуществующие разберутся, кого простить.

– И тут я, такой красивый, посреди всего этого, – упавшим голосом проговорил Ланья.

– Ты, конечно, помнишь, как я тебя назвал? – делая глоток доша, полуутвердительно-полувопросительно пробурчал от окна Тахор.

– Придурок и есть, – сокрушенно согласился Ирил.

– Не кори себя, – заступилась за него Са-Сефара. – Помнишь, что я сказала, когда пришла? Рано или поздно это должно было случиться. Ты все равно бы себя выдал. А с приходом этих халь у вас, вернее у нас у всех, – поправились она, – появляются некоторые шансы.

– Какие шансы? – немного воспрял Ирил.

– Существует вероятность, что основные усилия Лепестки сосредоточат все-таки на этих людях. А остальных будут искать так, спустя рукава. А вот если у этих халь получится еще и отвоевать себе право на жизнь, то тут и у нас появляется возможность нос-то высунуть. Понимаешь?

– Не очень, – признался Ирил. – Но это неважно. А сейчас-то мне что делать?

– Сейчас? – присмотрелась к нему Са-Сефара. – Сейчас тебе надо идти поспать, а то ты уже меня от Тахора не отличаешь.

Это была почти правда. Ирил держался только на вбитом годами тренировок рефлексе, не позволяющем «отрубиться» без разрешения наставника.

– Давай-ка, – торквани неспешно поднялась из-за стола, – отправляйся ты спать. Всё равно тебе раньше, чем Совет приговор вынесет, из дома выходить нельзя. Мы постараемся, конечно, чтобы они побыстрее решали, но два-три дня по-любому это займет. Так что – спать немедленно, а утром продолжим разговор. Тем более что нам еще эту твою Сову надо просветить и проинструктировать.

Ирил выбрался из кресла. Его немного шатнуло. Спать хотелось невероятно, даже дош уже не действовал. Но Ланья все же нашел в себе силы задать вопрос, на который за все это время так никто и не ответил:

– Са-Сефара.

– Ну, – повернулась к нему торквани, – чего еще мы не выяснили?

– Ну вот вынесет Совет решение, я его выполню, а дальше-то что? Что мы будем делать, пока халь из Огненного не объяснят Лепесткам, что нас трогать нельзя?

– Ах это, – улыбнулась Са-Сефара, – тут тоже всё просто.

Она неспешно подошла и с высоты своего роста ласково потрепала Ирила по голове:

– Мы будем прятаться, малыш. Долго-долго прятаться. Я тебя научу, – в ее глазах промелькнула и исчезла грусть. – А теперь иди спать. Нам еще завтра много придется разговаривать.

И Ирил пошел. И уже в дверях комнаты его настиг голос наставника:

– Спокойной ночи, халь. С днем рождения.

Голос Тахора звучал странно торжественно, и Ланья обернулся посмотреть, что же такое случилось. Торк встретился с ним глазами, выдернул из ножен лесной нож и медленно приложил его ко лбу, приветствуя уже признанного халь воинским салютом торков. Где-то внутри у Ирила зажегся горячий огонек восторга. Тем же движением он выдернул свой нож и повторил салют. Как равный с равным. Тахор криво ухмыльнулся. Ланья, как на крыльях, печатая шаг, вышел из комнаты...

И надо же было этому дурацкому ведру стоять прямо под ногами... И тут же, в ответ на жестяной грохот, из комнаты донесся сварливый голос наставника:

– Но это абсолютно не означает, что ты теперь можешь ходить не глядя под ноги.

Ирил расхохотался. Жизнь продолжалась.

Глава 5

– Они меня не видели! Ты представляешь, не видели! – Сова от восторга приплясывала на месте. – Все пятеро стоят, с отцом разговаривают, а меня не видят.

– Ты ненормальная, – у Ирила вдруг перехватило горло. – Ты глупая сумасшедшая дур... очка!

В последний момент он все же смог справиться с собой. Обижать Сову было не за что, но все равно Ланье очень хотелось взять ее за плечи и как следует потрясти, чтобы все эти дурацкие идеи... Вышибить всё это из головы. Дурь эту... Видимо, со стороны это тоже было заметно: Сова беспокойно посмотрела на него и аккуратно отодвинулась.

– У тебя часом не очередной приступ начинается? – немного обиженно поинтересовалась она.

Понять ее, в принципе, было можно: она на крыльях летела похвастаться своей победой к единственному человеку, который мог это оценить, а тут на тебе...

– Ты в своем уме?! Пятерка воинов-листьев. Желтые стрелки, – Ирил все же решил объяснить. – Нельзя так рисковать. Они же амулетами увешаны как не знаю кто.

– На школу разума амулеты не распространяются, – лукаво улыбнулась Сова. – Да будет тебе известно. Я же тебе говорю, они ничего не заметили. Поговорили с отцом – и ушли. А раз так, значит, все сработало. Нет? И вообще, ты чего завелся?

Ирил покраснел. Как ей объяснить, что от одной мысли о том, что с ней может что-то случиться, у него внутри всё переворачивается раз пять? Если только... Да он этих Стрелков... О!

– А что они делали у вас? – Ланья нахмурился. Когда Сова прибежала рассказывать про визит боевой пятерки аталь, он ни о чем другом и думать не мог, кроме как об опасности, грозящей Сове. А они ведь по делу пришли. Сова тем временем немного убавила радость в голосе:

– Они меня искали. И тебя. Всё отца спрашивали, что да как было. Ну, тогда, с Дамадиком.

Ирил скривился. С момента памятной стычки прошло уже полтора года, но Са-Сефара с Тахором всё никак не разрешали Ирилу появляться в городе. Да и вообще где-либо.

Мыс Хакони, где стояла одинокая избушка, в которой «коротала клонящиеся к закату дни немощная старушка» по имени Са-Сефара, расположен был так, что захочешь выбрать место хуже – не получится. Продуваемый всеми ветрами треугольник огромной скалы нависал над морем, выступая прямо из болотистого берега. Чтобы сюда добраться, надо было преодолеть такое количество препятствий, что где-то на середине пути отчетливая мысль: «А зачем мне все это путешествие?» – становилась единственной. Тем более что идти сюда было в самом деле незачем. Не замерзающие даже в самые лютые зимы болота летом становились прибежищем наигнуснейших представителей рода насекомых, которые отбивали охоту идти дальше даже у матерых вольдов. А как раз матерые вольды и знали лучше всех, что делать в окрестностях Хакони нечего. Дно океана там представляло собой далеко тянущееся мелководье, усеянное острыми клыками скальных обломков. И ходить по дну – никак, и на лодке не поплаваешь толком. Рыба там была, но немного, на постоянную продажу не хватит. Океанские Твари здесь близко к берегу не подходили – мелко. В болотах, кроме мошки и пиявок, тоже никого. Идти далеко и неудобно. Роза ветров – отвратительная. В общем, гиблое место.

Когда старая торквани перебралась сюда жить, все в Хайаре решили, что Са-Сефара уже к Несуществующим собралась. У торков в каждом клане свои верования. Кто ее, старую, знает, может, ей по вере положено перед смертью ото всех уходить. Годы шли, торквани все шлепала

и шлепала по своим болотам, изредка появляясь в Хайаре, – и все потихоньку привыкли, что далеко-далеко на севере стоит маленькая избушка на продуваемом всеми ветрами мысе. Сама Са-Сефара и не старалась никому напоминать о себе. Словом, место для жизни опального Ирила Ланья подходило как нельзя лучше. Всё равно в маленьком городке не спрячешься, все про всех знают. Так что самое надежное – просто уйти из города и не появляться. Глядишь – забудут. И правда, вроде бы и забыли. К матери он регулярно выбирался, благо она жила на отшибе, а больше в Хайаре делать нечего.

Это он так себя поначалу успокаивал.

Вопреки всем ожиданиям, жизнь Ирила на Хакони скучной не была. Когда Тахор приветствовал Ирила салютом, как равного, Ланья самонадеянно решил: всё, обучение закончилось, он теперь уже большой и умный. Ничего подобного. Оказалось, что все только начиналось. Здесь, на Хакони, вдали от чужих глаз и ушей, наставник развернулся во всю мощь. Походы за Тварями (теперь Тахор начал учить Ирила добывать тех, что водятся на суше) становились все продолжительнее и опаснее. Ежедневные бои – всё жестче. Признание Ирила равным означало только то, что оружие теперь использовалось только боевое. Бесконечные тренировки и пробежки. Переходы через болота, бег по неровному мелководью, карабканье по отвесным скалам – вот и близко не полный список мучений Ирила, придумываемых жестокосердным торком. Видят Несуществующие, Ланья уже давным-давно был готов отказаться и от хальер, и от жизни вольда, и вообще от всей своей прошлой жизни. Вот чего он никак не мог представить, так того, что будет скучать по прежним временам. К которым, правда, возврата уже не будет. Никогда.

Стараниями лекарей поставленный на ноги Дамадик не раз и не два собирался добраться до Ирила. Весь Хайар уже слышал его страш-ш-шную клятву отомстить «трусливому человечке». Но то ли из-за дальности, то ли стараниями Тахора (он как-то говорил, что провел воспитательную беседу), а может, и просто из-за обыкновенной трусости парочка оскорбленных вояк так и не добралась до Хакони. Все-таки Ирил их тогда хорошо приложил – лекари еле вытащили Дамадика. Штраф он заплатил, из города ушел – не из-за чего было переживать. Самих аталь Ланья не очень боялся – один раз отделал, значит, получится и второй. Да и мастерство его в обращении с хальер росло неуклонно. Са-Сефара взялась за его обучение всерьез, не хуже Тахора. Овладеть полностью хальер торков у Ирила не получалось – чтобы стать шаманом, надо учиться с детства, а Са-Сефара была далеко не магистром. Но базовые принципы работы Шаманерии Желтого Лепестка Ланья усвоил. Теперь он гораздо лучше понимал, как именно пробил тот амулет. Видел скрученные в тугие узоры линии на других амулетах (у старой торквани оказалась весьма приличная коллекция), старался сам сплести и расплести их. Иногда даже получалось. Но вот еще раз пробить амулет так, как он сделал тогда, у Ррадушита, не вышло ни разу. Впрочем, ни Тахор, ни Са-Сефара по этому поводу не переживали: лишнее внимание им по-прежнему было ни к чему.

Человеческие маги, свалившиеся в Пестик из Зеленого Лепестка, приживались не скучать чтобы тяжело, но без ярких побед. Только один из них периодически привлекал внимание Пестика, то отправившись к гнездам вельянов, то громко победив тиххина, Тварь и вправду страшную. Правда, звали его как-то не очень серьезно – Ацекато, над чем Тахор неизменно хихикал: «Ацекато» на торкване означал «птенчик». Но этот маг так и оставался исключением, подтверждающим правило. Остальные жили тихо-тихо. Правда, в последнее время поговаривали о создании магами какого-то своего братства, но Ирил, со слов Са-Сефары и Тахора, понял, что это несерьезно. Маги потихоньку растворялись в массе вольдов, а вместе с ними потихоньку растворялась и надежда Ирила когда-нибудь вернуться в город и зажить обыкновенной жизнью северного вольда. Собственно, к самой этой жизни Ирил не очень стремился. Привыкший за годы вынужденного уединения довольствоваться малым кругом общения, еще одним видом одиночества втроем он не очень тяготился. Тем более что пара торков времени

на это почти не оставляла. Но в один прекрасный момент Ланья вдруг остро осознал, что в Хайаре он оставил не только старый дом и ждущую его мать.

Момент наступил, когда пребывающий в боевом транс Ирил носился по краю болота, прыгая туда-обратно. Задача, поставленная Тахором, заключалась в том, чтобы пройти весь доступный берег, передвигаясь прыжками. В болото, желательно поглубже, – на берег, в болото – на берег. Если при этом начинаешь тонуть, то еще и лучше. Так говорил Тахор. Перед прыжкой крайне рекомендовалось войти в боевой транс – иначе шансы выскочить из очередного прыжка в болото становились призрачными. Ирил уже отпрыгал где-то половину, когда его обострившийся взгляд зацепился за темную точку на дальнем конце болота, медленно ползущую в их сторону.

– Х-хгы! – Разговаривать, пребывая в транс, не получалось, и Ирил просто ткнул мечом (какой же боевой транс без оружия) в сторону точки.

Тахор от незваных гостей ничего хорошего не ждал.

– Взять! – вытянул он руку, и Ланья спущенной с цепи собакой рванулся к дальнему краю болота.

Когда Ирил пропахал где-то две трети болота, Тахор разглядел наконец (зрение у него было получше), кто именно пожаловал в гости.

– Тази-и-и-и... – тянущий душу крик разнесся над гнилой равниной.

Ирил резко остановился и заморгал, осматриваясь безумными глазами. Куда его занесло, еще предстояло осознать. Это для того, чтобы войти в боевой транс, требуется время, а для моментального выхода из него существует специальная команда, которую только что прокричал торк. Руки немного тряслись – с них стекало напряжение. Ирил глубоко вздохнул и вдруг понял, что тонет. Ноги по колено увязли в болотной жиже. И как выбираться? В любую сторону – грязь и вода.

Как-как? Как учили. Ирил плюхнулся в жижу, раскинув руки и стараясь стать как можно более плоским. Извиваясь и помогая себе руками, как плавниками, Ланья начал медленно вытаскивать ноги, прикидывая, в какой стороне может быть твердая кочка. Жадная грязь начала понемногу отпускать. Но проблемы на этом не кончились.

– Ири-ил! – Девичий крик разнесся над болотом, и черный силуэт внезапно обрел очертания, превратившись в Сову, бросившуюся на выручку «тонущему» Ланье, поднимая фонтаны брызг.

– Назад! Замри! – Вот чего сейчас Ирилу не хватало, так это девчонки, которая летела к нему по неверной тропе и в любой момент могла ухнуть в ... Плюх.

– Ири-ил! – А вот теперь в голосе отчетливо звенел страх.

Тудыть её Тварей через гнилое бревно... Ланья в отчаянии повернулся в сторону, где остался Тахор. Наставник неспешно устраивался на поваленном дереве, доставая трубку: большому мальчику предлагалось справляться самому. Твоя гостья – твои проблемы. Ланья сжал зубы – Тахор прав. Что торк, находясь на расстоянии, может сделать такого, чего не может он сам?

– Руки раскинь, – закричал он в зеленоватое небо, – я иду.

Сил прибавилось неимоверно. Ноги выскочили из засасывающей грязи, как пробка из бутылки. Ланья пер вперед, как вельян. Вот она. Сова безумным взглядом выхватила его из окружающего марева. Ирил схватил тонкое запястье.

– Всё, всё в порядке, я держу, – прохрипел он – и вдруг перестал барахтаться.

Кто просил твердую поверхность?

– Вставай, путешественница, – Ланья немного неуклюже поднялся на ноги. Что там вокруг, неизвестно, но тут – всего полметра жидкой грязи, а под ним – твердая земля.

Больше всего Сова сейчас походила на обиженного ребенка.

– Я испугалась, – она тоже встала на ноги (по колено в грязи, конечно, неприятно, но не смертельно) и попыталась отряхнуться. Ирил иронично поднял бровь: тут и баня не сразу поможет. – За тебя, между прочим.

Она обвиняюще уставилась на него, как будто это лично он облил ее грязью. А вот тут Ланья расхохотался. Секундой позже залилась смехом и Сова.

– Ну ладно, детки, – Тахор, когда хотел, умел говорить очень громко. Его голос разнесся далеко над болотом. – Выбираемся. Пора мыться и чистить зубы.

– Пошли, – Ирил по-прежнему держал Сову за руку. Трудно было сказать, что преобладало у него сейчас в душе, он и сам не смог бы сказать, но руку ее он бы не выпустил ни за какие коврижки. – Покажу, как по болотам ходить надо.

Плюх – и уже по пояс в жиже. А Тахор, оказывается, умеет не только громко говорить, но и хохотать на всё болото...

Тогда они с Совой проговорили весь вечер. Торки не мешали. Собственно, они вообще не появлялись на глаза. Только каким-то образом на столе появилась еда да кровать в одной из пустующих комнат оказалась застеленной. Вечер длился и длился. А когда звезды на небе уже начали бледнеть, обещающая погожее утро, Сова, улыбнувшись, пошла спать. Ирил еще долго потом стоял, привалившись к косяку двери в коридор, но постучаться в гостевую комнату так и не решился.

Три дня промелькнули, как взмах длинных ресниц Совы. Да, конечно, она обещала вернуться, а Ирил обещал наплевать на все запреты и появляться в городе чуть ли не каждую неделю. И они сдержали свое обещание. Но с каждым разом Тахору все труднее и труднее становилось поворачивать голову Ланьи в сторону обучения. Хотя торк не жаловался.

И все бы было хорошо, но в последнее время всё чаще Тахор мрачнел от известий, которые приносили его неведомые друзья. Лепестки всё активнее интересовались жизнью магов Пестика. Как магов Огненного Лепестка, так и местных, недоучек вроде Ланьи. Последние дни торк вообще ходил мрачнее тучи. «Что-то готовится», – бурчал он в ответ на все вопросы, с которыми к нему аккуратно приставал Ирил. И тут, как гром среди ясного неба, появилась Сова со своим рассказом о том, как ловко она обманула пятерку аталь. Желтых стрелков. Вторых по значимости бойцов Зеленого Лепестка после Изумрудных, гвардии Зеленого Принца. Что они забыли в Хайаре, забытом Несуществующими месте, куда даже торговцы-глеммы, известные своей страстью к деньгам, забирались только по острой необходимости, было совершенно непонятно. А тут на тебе, пожаловали. И не просто так, а «тебя искали». Ну, Ирила – это ладно, это понятно, а вот... «И меня». Её?! Зачем? Кто мог узнать, что она – халь разума?

– С чего я завелся? – нахмурился Ирил, хмуро глядя на Сову. – Неужели ты не понимаешь: если они спрашивали о тебе, то они либо знают, либо предполагают, что ты – халь. Ты понимаешь, что это значит?

– Ничего это, может, и не значит, – Сова поправила юбку. – Они вспомнили ту драку с Дамадиком и пришли выяснить, что произошло. Тобой они, понятно, будут интересоваться. Такие вещи не спрячешь. А до меня им и дела нет. А я, раз получилось их обмануть, быстренько к тебе подалась. Предупредить. Так что ты не спеши хмуриться. Всё не так уж и плохо.

– Ага, замечательно, – она, может, и права, но Ирил из принципа уперся. – А ты не подумала, что они сюда по твоим следам могут прийти? Надо Тахора предупредить.

– По каким следам? – рассмеялась девушка. – Ты что? Если они меня вообще не увидели, как они могут за мной идти. Они даже не знают, где я есть.

– Я вынужден согласиться с молодым человеком, – раздался в дверях негромкий голос Тахора. В присутствии Совы он всегда начинал выражаться высоким стилем. – Я не готов подвергать сомнению ваши слова насчет удачного узора хальер разума, уважаемая, но Желтым Стрелкам вовсе не обязательно знать, где вы есть. Достаточно знать, куда вы пойдете.

– То есть? – повернулась к нему Сова. Потом вспомнила: – Здравствуйте.

– Здравствуйте, учитель, – эхом повторил за ней Ирил.

– Здравствуйте, – кивнул торк. В одной руке он держал мешок, в другой – меч Ирила. – Этим я хочу сказать, что они уже здесь.

Он по очереди бросил Ирилу мешок и меч:

– Готовься, будет драка.

– Что? – Ланья подхватил мешок, в котором оказалась его экипировка, пристроил за спиной меч. В развернутом вопросе смысла не было – Тахор и так все понял.

– Все пятеро перед мысом. Идут молча, скрытно. Может, конечно, они просто доша попить зайдут, но я в это как-то не верю. Боевым порядком в гости не ходят.

– Это я их привела? – упавшим голосом спросила Сова.

Тахор кивнул.

– Но как?

– Очень просто. Где живет Ирил Ланья, знают все. Им всего-то и надо было, что сесть где-нибудь по дороге и дожидаться тебя. А увидеть хвост из Желтых Стрелков ты не сможешь никогда.

– Но зачем? – изумилась девушка.

– Ты тоже не понимаешь? – Тахор перевел взгляд на Ирила.

Тот скорчил обиженную физиономию, мол, что вы, учитель.

– Если они сами по болотам пойдут, то мы их за пять минут вычислим, – объяснил он Сове. – Пока они тропу будут искать, двадцать раз подготовиться успеем – или сбежать, на худой конец. А может, даже там их и оставим. Это ж наши места. А ты им весь проход показала. Они за этим к тебе и пришли, чтобы ты сразу ко мне побежала, – осенило его под конец.

На Сову было больно смотреть.

– Это я сама, своими руками... – у нее задрожали губы.

– Давай-ка, девочка, отложим страдания на потом, – Тахор если и был расположен рассматривать девичьи слезы, то никак не сейчас. Ты забирайся наверх, там всё спокойнее будет, а мы тут их встретим. Са-Сефара уже готовит им «угощение».

– А может, они все-таки с миром идут? – сделал последнюю попытку Ирил.

– Не с таким, – и без того уродливое лицо торка сморщилось, превратившись в какую-то морду из кошмарных снов. – Неделю назад я бы с ними поговорил сначала, но не сегодня.

– А что случилось?

– Три дня назад, – Тахор вытащил из стенного шкафа арбалет и начал его снаряжать, – из Пестика ушли все глеммы-контрабандисты за исключением самых отпетых. Все, понимаешь? Про тех, кто остался, я не говорю, они такой грязью занимаются... Этим всё равно, что вокруг будет. А будет только одно – вторжение. Эти, из Огненного Лепестка, маги которые, недавно запустили свою систему связи. Теперь центральные баронства у них под контролем. Я так думаю, что Лепестки этого не допустят. Чтобы люди начали в Пестике себя хозяевами чувствовать? Никогда. Так что эта пятерка к нам с конкретной целью пришла.

Он закончил с арбалетом и покачал его в руке, привыкая к весу. И именно арбалет убедил Ирила: всё всерьез. Тахор, как и любой торк, стрелковое оружие недолюбливал. Честный воин издали убивать не будет, говорил он. Так что, если уж торк сам взялся за него (да не за благородный лук, а за «оружие лентяев» – арбалет), значит, дело дрянь. Проводив Сову в комнату наверху, торк вернулся.

– Держи, – резким жестом бросил он Ирилу какой-то предмет.

– Что это? – Ланья поймал торкский амулет, украшенный причудливой вязью рун, и вопросительно посмотрел на Тахора.

– Са-Сефара позаботилась, – объяснил тот. – Прицел сбивает. Совсем от аталь, конечно, не закроет, но хоть немного жизнь им осложнит. Надень.

Ирил послушно просунул голову в костяное ожерелье, проверил, как ходит меч в ножнах за спиной, похлопал себя по рукам и ногам, проверяя метательные ножи, и пару раз подпрыгнул, прислушиваясь, небрякнет ли где-нибудь плохо подогнанное снаряжение. Снаряжение небрякнуло, и Ирил вытянулся перед наставником. Готов.

– Хорошо, – торк критически оглядел его с ног до головы. – Твоя сторона – юг.

Ланья двинулся было на выход, но Тахор неожиданно поймал его за рукав, притянул к себе и пристально глянул в глаза:

– И запомни, мальш, – зрочки торка кололи, как иголки, – противник – хуже мало куда. На тебе двое, на мне – трое. Са-Сефара рядом, но это и всё. Кроме тебя, больше нас отсюда прикрыть некому. Проколешься – все ляжем. Осознал?

После секундной паузы Ирил с ожесточением кивнул.

– Нет, – ухмыльнулся вдруг Тахор. – Ты не осознал. Я от тебя не истерики жду. Наоборот. Все эмоции выключай. Ни страха, ни ненависти. Они просто не должны пройти. Смотри на мир, не смотри на врагов. Вспомни всё, чему я тебя учил.

Он замолчал на секунду и вдруг мягко улыбнулся:

– Ты справишься, сынок. Я в тебя верю.

Мир за дверью приобрел вдруг странную резкость. Тахор скрылся за домом, взяв на себя самое сложное – изрезанный скалистый северный участок, оставив Ирилу равнинный выход из болот с редкими кустами, разбросанными тут и там. Если всё, что Ирил до сих пор слышал про Желтых Стрелков, правда – то счастья и тут ждать трудно. Но это не имело никакого значения. За спиной у Ланьи росли крылья. Два огромных крыла, поднимающие его над землей и показывающие ему всю картину сущего – наставник похвалил его. Нет, не просто похвалил. Так Тахор никогда с ним не разговаривал.

Ноги сами начали странный диковатый танец, вводящий тело в боевой транс. Мир застыл, каждое движение вокруг замедлялось. И когда он уже готов был соскользнуть в безвременье, когда вот-вот должна была остаться только жажда боя, затмевающая собой все остальное, Ирил остановился. Не движение остановил, нет, – тело продолжало двигаться, меч чертил смертоносные круги вокруг головы, – Ланья остановил сознание. Тахор его этому никогда не учил. Мало того, он категорически запрещал любые изменения в ритуале вхождения в транс. Каждое несоответствие веками выверенного танца могло если не убить, то серьезно повредить психику. Тахор говорил, что иные нерадивые ученики так навсегда и оставались там, внутри боевого безумия. Их «навсегда» заканчивалось очень быстро. Но Ирил его не послушался. Вернее, не так. Не то чтобы он сознательно ослушался, просто во время одной тренировки он остановился на какой-то невидимой грани и сам удивился невероятному ощущению, заполнившему всю его сущность. Всё тело наполнилось изумительной легкостью. Не той смертоносной стремительностью, которая подхватывает тебя в боевом транс, ведя от одного врага к другому, когда ты не чувствуешь своего тела, а видишь только очередной труп, уходящий в небытие на радость духам войны. Некто другой, сохраняющий для тебя контуры твоего «я», но в то же время позволяющий вести бой точно так же, как это было бы при классическом транс. И вся разница была бы только в необычности ощущений, если бы не одно «но»: в своем транс Ирил мог плести узоры хальер. Его голова по-прежнему оставалась при хозяине. И вот тут-то и начиналось все самое интересное.

Ланья и сам не мог сказать, почему он не рассказал об этом учителю. Поначалу всё откладывал, пытаясь разобраться, не напортил ли где и не грянет ли вслед за признанием очередная взбучка. Потом он на самом деле чуть не остался в транс – и взбучка грянула. Но Тахор списал все на нерадивость, а Ирил опять промолчал. А еще потом он просто решил, что эта вещь останется его маленькой тайной. Вдруг да придется когда удивить учителя. Мало ли, случаи разные бывают... Тем более что сам Тахор именно так его и учил. В «свой» транс Ирил входил редко, но регулярно. С каждым разом руки все сильнее чесались проверить себя в

настоящем деле, например на охоте на Тварей, куда торк затаскивал его с неизменным постоянством. Но Ланья держался.

А тут такое дело... Если и начинать, то когда, как не сейчас? Тем более что для Ирила существа, пришедшие за его Совой, были абсолютно в одну цену с Тварями.

Мысль о Сове заставила вскипеть кровь, руки сами судорожно стиснули рукоять меча, ну!.. И Ирил остановился. Прямо внутри транса. Стоп, никакой ненависти. Ничего. Нет ничего. Только мир вокруг, застывший резкими красками солнечной картины. Аккуратно вернув меч в ножны, Ирил освободил руки. Они ему нужны. Для чего, он и сам не знал, но чувствовал, что нужны. А меч он успеет достать, обязательно успеет.

Солнечная дымка застывала на каждом предмете вокруг, приклеивая любую деталь к прозрачному холсту мироздания. Всякое движение мгновенно замечалось и отдавалось чуть ли не физической болью, настолько резко оно контрастировало с окружающей неподвижностью. Так, что это? Нет. Не то. Это ветка сломалась. Сама? Сама. Нет, не сама. Сама она бы упала – и всё, а ее потом еще и отодвинули. Совсем немного, на миллиметры. В жизни Ирил никогда бы не заметил. Но то – в жизни. Где же ты? Вот. Вот он. Зеленоватая капля прозрачно переплыла от одного дерева к другому. И почему аталь даже под хальер все равно кажутся зелеными? Вперед? Нет. Стоять. Где второй? Должен быть с другого края. По идее. По чьей? Желтые Стрелки потому и считаются одними из лучших, что их схемы, убивая, остаются непредсказуемыми. Второй шел шагах в десяти позади первого и чуть правее. Все правильно, мелькнуло в сознании. Аतालь знают, что Тахора с Ланьей всего двое. Пока первый Стрелок прыгает вперед, забирая на себя все внимание обоих, второй либо страхует его, либо бьет в спину. А вот допустить, что прячущиеся в захолустном поселении людишки, ну ладно, человек и торк, могут превзойти Желтых Стрелков и в одиночку держать – один двоих, другой троих, – аталь не допускали и на секунду. Презрение к врагам было в крови у аталь. Иногда это помогало, чаще нет. Сколько раз они были биты именно за неуважение к упавшему, но живому врагу, и пересчитать сложно. Били их и армиями, и в одиночку. Ничему не учатся. И Твари с ними. Ирил отбросил лишние мысли перед боем. В конце концов, чей путь правильнее, будут разбираться Несуществующие. Всё равно все им достанутся в итоге. Когда-нибудь. А у Ланьи сейчас задача, чтобы первыми на разбор отправились эти зеленые капли.

Так, бежать нельзя, слишком далеко. Транс трансом, но он не всемогущ. Презирают там аталь врагов или нет, но стрелками они остаются бесподобными. Стрелу он получит на таком расстоянии точно. Значит, ждем. Потекли бесконечные секунды, невероятно тягостные для бойца в трансе. Вообще, это опасно. Транс нужен для боя, для постоянного движения, когда тебя невозможно увидеть, до тебя нельзя дотянуться. Ждать в нем нельзя, а то запросто можно вывалиться из этого состояния в самый неподходящий момент. Но это – в обычном трансе. Ланье было легче, в его трансе ждать было можно. Два узора, смертоносных узора, ждали своего момента. Только высуньтесь. Попробуйте. Вот и попробовали. Две зеленоватые капли одна за другой выскользнули из-за чахлах деревьев и текуче рванулись через открытое пространство. Навстречу им рванулся Ланья. Фр-р-р, фр-р-р. Два узора хальер ушли вперед, встречая незваных гостей. В трансе они выглядели как кометы, рассыпающие с хвостов снопы искр. Яркие красные кометы. Вот первая из них врезалась в зеленоватую каплю. Вспышка. Слепляющая, оглушающая, невероятная. Вторая. Получите!

Ирил был уже в нескольких шагах от первого Стрелка, когда тот вспыхнул. Весь. Ярким веселым пламенем, раздвигающим неподвижную картину, вырывающим его из схемы транса. Ага-а-а! Ирил проскакивал мимо полыхающего аталь, готовясь наотмашь рубануть его и лететь дальше, ко второму. Этот уже готов. Прощай, зеленый... Стрелок вывалился из полыхающего шара, переливаясь всеми цветами радуги. Яркий, цветной. Невредимый!

Летающий меч Ирила отлетел в сторону, отбитый. И только из-за скорости, наведенной трансом, Ланья ушел от ответного удара. Он видел летающий в него меч. Видел, как Стрелок,

завершая движение, медленно чертит полосу, которая должна закончиться в груди человека. Ирил рванулся изо всех сил, стараясь уйти. Они разминулись миллиметрами. Амулеты. Яркие пятна, проступающие сквозь радужное сияние. Да он весь в них. Вот так-то, не только аталь недооценивают врагов.

Мама! Засмотревшись на увешанного амулетами Стрелка, с которым теперь непонятно что делать, Ирил совершенно позабыл о его напарнике. Набрал ускорение, Ланья врезался в другой плюющийся огненными искрами шар. А там – второй Стрелок. И тоже невредимый. И тоже на амулетах. К счастью, второй аталь, как и сам Ланья, никак не предвидел такого развития событий. Сбитый с толку полыхающим вокруг него пламенем, он только и смог, что, охнув, принять на себя летящего с невероятной скоростью Ирила. Да, у него, как и у первого, среди амулетов был и ускоритель. Иначе бы Ланья уже праздновал победу. Искусством боевого транса владели лишь торки: аталь и глеммам приходилось использовать амулеты или магиприпасы. Транс чуть быстрее, но аталь выбирать не приходилось. Частично этот минус компенсировался легкостью использования: вхождение в транс требовало большего времени, чем активация амулета, но сейчас выигрывала именно скорость. Ирил первым осознал, что происходит.

Он лежал на чем-то мягком. Зеленоватое солнце Пестика, в трансе приобретающее золотистый оттенок, слепило глаза. «Что-то мягкое» под Ланьей зашевелилось. Рывком осмыслив ситуацию, Ирил вздернул руку, перехватил рукоять меча обратным хватом и с силой воткнул его в это мягкое – себе под мышку. «Мягкое» конвульсивно задергалось, но Ланья хватился второй рукой за меч и, используя его как упор, резко вскинул себя на ноги, еще глубже вонзая меч. Вскочив на ноги, он обернулся. Готов. Зеленоватый силуэт лежал неподвижно, из того места, где у него должна была быть грудь, торчал меч. Забрать! Краем глаза Ирил уловил движение справа. Первый Стрелок никуда не делся. Ну, один на один уже легче, сейчас ты получишь. Ланья схватился за рукоять, готовясь встретить надвигающегося врага.

Й-й-ех... Нет, только не это! Меч поднимался только вместе с нанизанным на него телом. Если бы было время, Ирил бы покраснел от стыда. Вторая ошибка за несколько секунд. Опять. Сколько раз Тахор твердил ему, что живое тело – это не висящая тряпка. Войди клинок в кость – и вытащить его разом будет невозможно. А тот вошел. Вернее, Ланья его сам туда загнал. Но стыдно не за это. В конце концов, всё предусмотреть невозможно. А вот за то, что он об этом не подумал вообще и начал атакующее движение, в котором изначально было заложено, что меч свободен, вот за это учитель ему точно голову оторвет. И будет прав. Если только это раньше не сделает Стрелок. В бою времени на выбор позы нет. Аталь уже рядом. Поздно перенастраиваться. Что делать?! Тахо-о-ор!!!

В трансе время летит быстро. Эмоции переживаются уже потом, запоздало. Но сейчас, не успев оформиться во что-то конкретное, Ирила все же обожгла глубокая благодарность учителю. За все издевательства, за все побои, которыми злобный торк безжалостно вколачивал в непослушное человеческое тело незыблемые рефлексy, позволяющие выжить в любой ситуации.

«Никогда не беги от опасности, – еще в самом начале обучения вдалбливал человеческому щенёнку матерый боец. – Если уж тебе пришлось драться, то уклоняться от ударов можно только тогда, когда ты решил убежать. И понял, что ты на самом деле сможешь это сделать, – с ехидной усмешкой цедил торк, методично отвешивая ярящемуся мальчишке увесистые подзатыльники, доводя Ирила до бешенства и заставляя его вновь и вновь бросаться в безнадежные атаки. Все эти уходы и блоки – лишь пустая потеря времени. Ничего ты за это время не сделаешь и не решишь. Тебе все равно придется его победить. Так почему не сделать это сразу?» Ирил тогда злился долго. Потом привык. Потом научился делать то, что хотел Тахор. А потом это просто вошло в базовые рефлексy.

И сейчас его спас именно рефлекс. Раз уж меч не вытащить, то ничего тут не поделаешь. Играем с теми картами, которые розданы. Ирил кувырнулся вперед, в ноги набегавшему

Стрелку. Над головой свистнул меч. Аталъ споткнулся, но удержался. Вот и всё немного, что Ланья выиграл. Сейчас меч в руке Стрелка перевернется и...

«Если ты стоишь вплотную, даже не вздумай махать руками. Локоть и колено. Рычаг короткий, мышцы сильные, времени и места на удар нужно мало». Наставления Тахора даже не всплывали в голове – они сидели в костях и мышцах Ирила. Как только в спарринге становилось тесно для замаха, торк, не задумываясь, двигал локтем, и Ланья, воя от боли, летел кубарем. Потом Ирил и сам так научился.

Тело все сделало само. Скорчившийся у ног Желтого Стрелка Ланья вывернул локоть, кожей чувствуя, как разворачивается над его головой узкий меч аталъ. А потом со всей силы, добавив рывок распрямляющегося тела, двинул вверх. Туда, куда любому мужику всегда очень больно.

Дикий вой прорвался даже через вату транс, возвещая победу. Занесенный меч вывалился из руки Стрелка, всего лишь оцарапав плечо Ирила. Прощай, Стрелок. Транс и амулеты ускоряют движения, но не делают тело тверже. Они хороши, когда надо сверкать мечами или молнией метаться от противника к противнику, не давая себя зацепить. Но практически любой точный удар в транс становился последним. Если тебя достали, ты зачастую и понять не можешь, отчего умер. Потому и меч Ирила застрял в теле первого аталъ. С такой силой воткнутый клинок просто так не вытащишь. А уж локтем-то, да по причинному месту... Взмах подобранный Ланьей меча, оборвавший жизнь судорожно глотающего воздух Желтого Стрелка, превратился почти в акт милосердия.

Всё? Ирил крутанулся на месте, осматриваясь. Две зеленоватые капли неподвижно лежали на земле, и Ланью начала охватывать нешуточная гордость. Он их сделал!

А вот и не всё. Третью щенячью ошибку за этот день он совершать не собирается. Хватит. Мерной рысцой Ирил начал отбегать в сторону, широкой петлей пытаясь охватить оставленный дом. Пока он Тахора не увидит, ни о каком расслаблении речи нет. Осматривая окрестности, Ланья ни на секунду не выпускал из виду вход. Не зря, как оказалось. Еще одна зеленоватая капля, практически незаметная в режущем глаза солнечном свете, смазанной тенью скользнула вдоль стены к двери. Если бы Ирил не держал это место постоянно в поле зрения, он бы его пропустил. А так... Ну уж извини, приятель. Кто не успел, тот опоздал. Ланья, не скрываясь, рванулся к дому. Там же...

И вдруг дикая мысль, ужасная в своей логичности, молнией прорезала скованное трансом сознание. Они обошли Тахора. Нет, не обошли. Тахор не дал бы. Тахора... убили! Учитель! У капли неожиданно проявилось лицо. Контуры тела как были смазанными, так и остались. А вот лицо проявилось. Спокойное, сосредоточенное лицо. Высокий лоб, резкие скулы, острый подбородок, собранные на затылке в тугой узел волосы. И сосредоточенное выражение миндалевидных глаз. Аталъ не замедлил движения, даже увидев летящего к нему Ирила. Он шел делать дело.

«Куда ты собрался, тварь гнойная? – выдохнул на ходу Ирил. – Стоять! Да я... тебя... за учителя...» Аталъ, всё так же не обращая внимания на Ланью, взялся за ручку двери. «Там же... – взорвалось в голове у Ирила. – СОВА!!!»

Сгусток чего-то иссиня-черного с тихим ненавидящим шелестом ушел вперед от него к почти открывшему дверь Стрелку. Ланья и сам не понял, что он сотворил, но, что это что-то очень неприятное, чувствовалось при одном взгляде на сгусток. Удар. Аталъ пошатнулся, но устоял. На его груди начала нестерпимым светом разгораться точка заработавшего амулета. Черный сгусток облепил Стрелка с ног до головы. Черные щупальца хватались за тело, но бес- сильно опадали, не в состоянии преодолеть защиту все ярче разгорающегося огонька. Стрелок тем временем почти открыл дверь.

– Нее-е-т!!! – Ирил ускорился еще, хотя это казалось невозможным.

Аталь наконец удостоил его вниманием. И только для того, чтобы показать человеческому детенышу, что третья ошибка за этот день все-таки совершена. Третья, и последняя. Нельзя было бежать по прямой. Тем более на Стрелка. На аталь. Неуловимый взмах руки – и Ирил увидел свою смерть. Свою, а еще Сова и Са-Сефары, оставшихся без защиты.

Маленький, остро заточенный и радостно посверкивающий в лучах солнца кусочек металла начал свое путешествие в голову глупому мальчишке, решившему, что ему теперь все по плечу. Ирил все еще бежал вперед – остановиться было невозможно. Все, что он смог предпринять, – это начать на бегу немного раскачивать голову из стороны в сторону, как будто это могло что-то изменить. Мозг, чего уж там, откровенно проваливший эту схватку, уже прощался с хозяином.

Проблеск все приближался, подмигивая блестящим глазом. Перед Ланьей начала ткаться серая пелена узора хальер, но всему есть предел. Он просто не успевал его отправить. Ближе, ближе, ближе. И вот, когда нож, брошенный аталь, приблизился настолько, что заполнил собой весь мир, Ирил сдался. Узор продолжал ткаться, тело двигалось вперед с той же скоростью, аталь, так и не открывший входную дверь, приближался. А Ланья сдался. Он уже умер. Умер и остановился, обреченно глядя на приближающуюся смерть.

И вдруг нож исчез. Вот только что летел в глаз – и исчез. Только что-то больно рвануло голову над ухом слева – и всё. Ирил пытался проморгаться – не получалось. Жизнь продолжалась, но как-то странно. На приближающемся лице Стрелка появилось выражение крайнего недоумения. Такое же, наверное, нарисовалось и на лице Ланьи. Как так? Ведь у аталь с такого расстояния не промахиваются даже дети. На груди что-то ворохнулось. Амулет, вспомнил Ирил. Тахор дал ему амулет. «Са-Сефара позаботилась, – всплыли в голове слова Тахора. – Прицел сбивает. Совсем от аталь, конечно, не закроет, но хоть немного жизнь им осложнит. Надень». Амулет сбил прицел.

Са-Сефара, вспомнил Ирил. И дальше цепочкой вспышек: Тахор, амулет, Сова. Сова! Ланья резко нырнул обратно в мир и ощерился в самом злобном из своих оскалов. «Ты не пройдешь, тварь». Узор хальер с опозданием, но сформировался. Ирил бросил его вперед. Не навредить, так хоть отвлечь немного, чтобы не осталось времени опять кидаться всякими железками. Получилось. Аталь замахал руками, пытаясь выбраться из серой паутины, окутывающей его с головы до ног. Вот паутина треснула, начала сползать, исчезла совсем. Аталь потянул одну руку за ножом. Поздно, слишком поздно. Ирил уже подлетал к двери, выставив перед собой меч. Оскал на его лице сменился злорадной улыбкой. Что, не сложилось? Бывает. Давай, посмотрим теперь, каков ты в рукопашной.

Амулет на груди Стрелка полыхнул яркой вспышкой – и паутина исчезла. Второй свободной рукой аталь уже выдернул меч, и теперь Ирила встречала такая же полоса стали, какая покачивалась в его руке. Удар. Нет, Ирил и не надеялся с первого же выпада достать его. Все-таки не мальчик перед ним. Противника надо уважать. Первым ударом Ланья просто влупил от души своим мечом по клинку аталь, разворачивая его в сторону от двери: пропустить Стрелка в дом было нельзя. Получилось. На полшага, но тот сдвинулся в сторону. Уже хорошо. Теперь попрыгаем, посмотрим, у кого скорость выше, – а там и решим, что делать дальше.

Вихрь ударов, которыми начали обмениваться бойцы, закружился на пяточке перед дверью. Аталь был хорош. Или это амулет у него хорош? Как бы то ни было, но все усилия Ирила раз за разом пропадали втуне. Стрелок оказался еще и мечником. Атаки Ланьи не проходили. А кто-то ведь еще и сзади. Тахор перед смертью остальных положил или надо ждать стрелу в спину?

При воспоминании о Тахоре у Ирила скулы свело от ненависти. «Что вам здесь надо было, уроды? – прошипел он про себя, ни на секунду не останавливая стальную круговерть боя. – Что мы вам сделали? Территорию зачистить пришли? Щас я тебе зачищу». Ненависть придавала сил. Ланья ускорился еще, хотя это казалось невозможным. И Стрелок начал проваливаться.

Сначала перестал успевать отвечать на удары, а потом стал открываться. Раз, другой... Получи! Ирил достал-таки его в руку. Несильно. Но рука перестала работать. А на таких скоростях больше и не надо. Атачь не успел даже переложить меч из руки в руку...

Ирил вывалился из транса прямо возле обезглавленного тела третьего Стрелка. На пороге. Всё. Он не волшебник. Дальше держать транс сил нет. И так, похоже, перебрал. В одиночку положить троих Желтых Стрелков – это очень много. А уж для такого сопляка, как он, вообще запредельно. Ноги не держали, и Ланья неэстетично плюхнулся на пол, блаженно приваливаясь к стене. И тут же выпрямился. Подождите. Троих? А было-то всего пять. Это что же такое с Тахором могло случиться, что он с троими не справился? Если сам Ирил уделал троих, то сколько мог на себя отвлечь Учитель? Что-то тут не стыкуется. Ирил, крихтя и проклиная всех атачь Клевера, поднялся на дрожащие ноги и схватился за ручку двери.

– Сова-а-а, – открыв дверь, крикнул он в темный проем. – Са-Сефара. Вы где?

И осекся. Кричать не следовало. До тех пор, пока он собственными глазами не увидит тела остальных Стрелков и Тахора, бой нельзя считать законченным. И орать, выдавая свое местоположение, тоже неправильно. Ирил прислушался. В доме не раздавалось ни звука. Это, собственно, ни о чем не говорило, там и не должно ничего раздаваться, но почему-то сейчас тишина его напугала. Было в ней нечто... зловещее, что ли. «Ага, или это у меня в голове нечто зловещее», – хмыкнул про себя Ирил. Он медленно обвел взглядом поляну перед домом. Ничего. Но беспокойство не отпускаяло. Что-то всё равно не стыковалось.

Что именно не стыковалось, он понял несколькими секундами позже, когда из-за угла дома медленно, подволакивая ногу и прижимая правую руку к кровоточащему боку, неуклюже вывалился Тахор. Именно вывалился, как будто его кто-то толкнул. Посмотрел на Ланью безумным взглядом, неуверенно помотал головой, не раскрывая рта, и попытался завалиться обратно за угол. Тело торка слушалось плохо, с прицелом он не угадал и, подвернув ногу, Тахор грузно впечатался в стену. Да что ж такое? Что, море твердым стало? Ирил никогда не видел торка в таком состоянии. Отлепившись от двери, Ланья двинулся было к Учителю, по привычке осматривая окрестности.

И резко прынул вбок, в который раз поблагодарив Тахора за вбитые в него навыки. В стене на том месте, где он только что стоял, выросла стрела, подрагивающая от бессильной злости. Не попала. А Ирил уже кубарем летел с террасы, судорожно соображая, с какой стороны у него меч. Тахор, такое впечатление, не положил вообще никого, раз тут такие страсти творятся.

– Стой, человек.

Ирил остановился на мгновение, будто влетев в невидимую сеть.

Из-за угла дома, откуда вытолкнули Тахора, выскользнул атачь, еще один Желтый Стрелок. На рукаве у него красовалась узкая повязка – старший группы. Приставив меч к горлу торка, он посмотрел в глаза бегущему Ланье:

– Остановись, или я убью его.

На короткое мгновение Ирил замер, а потом опять сработали вбитые Тахором наставления. Нелогичным движением он прынул вбок и закружился в нелепом танце посреди двора перед замершим атачь. Танец транса так и задумывался, чтобы никто в тебя попасть не мог, пока не будешь готов к бою. «Ага, щас вам, остановлюсь», – промелькнуло у него в голове. Уж на что на что, а на такую глупую подначку он не клюнет. Тахора, конечно, жалко, только вот с чего это вдруг с Ирилом-то атачь решили говорить? Только что ему в голову стрела летела, и тут – на тебе, «остановись, человек». Ищите дурака. Попробуй он только остановиться еще хоть на секунду – тут же подстрелят.

Атачь тем временем не двигался. Молча смотрел, как Ланья с нелепыми ужимками прыгает вокруг, и чего-то ждал. Дождался. В проеме двери показался еще один атачь. Да сколько же их тут? Перед собой он держал...

– Ирил!

Голос Совы подействовал на Ланью как ушат холодной воды. Вот сейчас он остановился. Почти. В голове. Если Тахором он был готов пожертвовать, тот сам его так учил, то за жизнь Совы Ирил с легкостью был готов отдать свою. Вот только вопрос: когда у Совы больше шансов выжить, когда его убьют или когда он все еще будет прыгать, представляя хоть какую-то угрозу для Стрелков? Ведь еще где-то Са-Сефара прячется.

– Кх-ха-га, зеленая жаба, еще раз меня тронешь... – а вот и она. К сожалению, не одна.

Старая торквани в отличие от Совы подчиняться не собиралась, поэтому Стрелок гнал ее вперед болезненными тычками.

– Кого еще ты ждешь, человек? – вновь раздался голос первого аталь. – Видишь, все живы. Остановись.

«Ага, – пропыхтел про себя Ирил, ни на секунду не останавливая безумного танца (да где же этот транс?!), – именно потому и живы, что я до сих пор прыгаю».

Нет, долго так он не протянет. Ну кто мог предположить, что аталь ходят не только пятерками? Надо что-то придумывать, причем срочно. А что тут придумаешь? Три Стрелка вокруг держат твоих самых близких людей, четвертый – его самого на прицеле. Есть умные мысли? То-то. Ланье ничего не оставалось, кроме как бездумно продолжать танец, надеясь, что что-нибудь да произойдет. Именно так. Только вся проблема в том, что если ты ждешь, что враг что-нибудь сделает, то будь готов, что тебе это не понравится. Хотя, в конце концов, он имеет на это право. Враг все-таки.

Коротко, стараясь сделать это как можно тише, хекнул Тахор, получив рукоятью меча в челюсть. Злобно рывкнула Са-Сефара, куда-то ее там тоже стукнули. Ланья сжал зубы, стараясь не видеть этого.

– Ирии-и-л!!!

И взгляд выхватывает из вертящейся вокруг картины третьего Стрелка. Прижимая к себе бьющуюся Сову, он подносит бритвенно острый меч к ее лицу. Наискосок. Через лоб, бровь и глаз к щеке и рту. Прижимает лезвие, которому осталось совсем чуть-чуть, чтобы лопнула тонкая кожа, чтобы остался уродливый шрам, пересекающий нежное девичье лицо. Не смертельно. Но для молодой девчонки... Тут же главное, чтобы истерики в голосе побольше. А Ирилу как раз самое то анализировать ситуацию. Да хоть бы и было оно, время, то как тут поступать?

Аталь для пушшего эффекта, чтоб пострашнее было, коротко, не отпуская от себя девушку, лбом ударил ее по макушке, добавляя ужаса в ее голос.

– Ирии-и-ил!!!

Транс так и не пришел. Вместо него упал белый полог ярости. Режущая глаза белизна упала на дом, деревья, замерших аталь и их заложников. Внутри Ланьи зародился звериный рык. «Убью! Всех. Сразу». «А как?» – пришел откуда-то слабый отклик. Ярость не транс, не боевое забвение. Во время своих припадков Ирил способности соображать не терял. Жаждал убить всех, до кого доберется, – это да. Но соображал. И анализировать тоже умел. Хотя что тут анализировать? Разом до всех не дотянуться. Если честно, даже до одного не дотянуться. Но что-то же делать надо. Белый огонь начинает выжигать голову, заливая все вокруг. Убить, разорвать. Ненавижу! Что?

Хальер. Мысль пришла сама. Тут же услужливая ярость подсунула ему четкое изображение трех, нет, четырех (а-а, вот ты где прячешься) красных пульсирующих точек. Амулеты. Ланья пристальнее всмотрелся в один из них. Естественно, торкский. Да еще какой торкский. Не чета дамадииковской дешевке. А не всё ли равно? Сквозь белую пелену пробился девичий крик. Зря это они... И так всем хватит. Не надо дальше подстегивать.

Раскинув руки, Ирил хватил в каждую по два амулета. Как он это сделал, сам не понял, но схватил. Сжал, выдавливая всю силу, оставляя расплюснутые бесформенные комки чего-то странного. Нет, комки все еще светятся. Да еще как.

Руки до плеч обожгла дикая боль. Не трогай. Амулеты Желтого Лепестка умели себя защищать. Был бы он в трансе, вылетел бы мгновенно. Вот только из белого безумия так просто не выкинешь. А боль лишь добавляет масла в огонь. Не хочешьдохнуть?! А так? А вот так? А еще вот так и так?

Ланья перестал чувствовать руки. Боль оглушала, разрывала на части, сворачивала в трубочки и разбивала о землю. Но она же и спасала. Пока боль тянула жизнь из тела, это тело продолжало жить. Силы только прибавлялись. И уже неважно было, выживет ли кто-нибудь их заложников. Боль становилась смыслом жизни. Целью и дорогой, по которой можно идти. Сколько он тянул, Ирил так и не понял, но вдруг вокруг точек начали появляться маленькие ореолы. Поначалу незаметные, с каждой секундой они росли, меняли цвет с алого на серый, потом на черный, а потом начали заполнять собой амулеты. Белые контуры, на которых держались алые точки, начали клониться вниз. Головы у них задергались, как у деревянных кукол, которых Ланья видел в бродячем театре, приезжавшем к ним в Хайар. Влево-вправо, вверх-вниз. Быстрее, быстрее, быстрее. И вдруг – БАХ!

Черные точки вдруг разрослись, заполнили собой белое покрывало мира, и наступила тишина. ТИШИНА. Не та, белая, режущая голову напополам, а другая, мягкая и ватная. В которой все звуки, мысли и движения умирали, даже не успев родиться. И Ирилу стало хорошо. Только сейчас он понял, до какой же степени устал. И как же тяжело было жить в том белом мареве. А здесь хорошо. Здесь можно отдохнуть.

Где-то далеко-далеко зазвенел девичий голос. Он звал его. Но – нет, не дойти. Слишком он устал. Он тут полежит немного... А раз она кричит – значит, всё в порядке. Перед тем как черное ничто прогнало белое что-то, Ланья успел порадоваться, увидев, как те контуры, на которых амулеты висели, оседают, раскинув руки. Раз их нет, а она есть – значит...

Черное покрывало уютно заворачивало его, гасило мысли, чувства. Хорошо, до чего же хорошо и спокойно. Ланья устало опустил голову. Девичий голосок где-то далеко-далеко не умолкал, но это только успокаивало. И в то самое мгновение, когда, кроме черноты, уже ничего не осталось, где-то высоко-высоко, в черном небе (о, это, оказывается, небо) зажглась маленькая звезда. Она не светила, нет. Ее света не хватало на то, чтобы вырвать из черноты хоть что-то. Но она показывала. Просто показывала, где небо. Где верх, где низ. Где жизнь, а где просто покой и уют.

И устраивающийся отдохнуть Ирил добро улыбнулся этой звездочке, как старой знакомой. Теперь на самом деле можно было отдохнуть.

Глава 6

Большое помещение, странно тихое в этот, в общем, рабочий час, оведало прохладой двух магов, стоящих навтыяжку перед «Великим и Ужасным, Могучим и Непобедимым» доном Антонио Сибейрой, «Великим Инквизитором» и «Торквемадой», главой обоих служб Братства: Братьев Ищущих и Братьев Находящих, который только что закончил, судя по выражению лиц присутствующих, очередную выволочку и наконец-то смог дать волю физиологии.

– Дедавижу, – дон Антонио оглушительно чихнул, отвернувшись от подчиненных.

– Все в порядке, Мастер? – осторожно отодвинулся от него Степашка, молодой маг, в недавнем прошлом торговый менеджер, выдернутый программой порталов с Земли.

– Раздражает? – сочувственно поинтересовался более опытный Айонки, бывший вольд, примкнувший к Братству после объявления о создании Директории и строительстве Улитарта.

– Дедавижу этих удолов, – прорычал дон Антонио, еще раз сопроводив заявление громким чихом. – И я де Масдер. Масдер – эдо Ацекато. Я – Ваше Магичество, если тебе дак уж хочедзя жопу мне полизады.

Степашка обиженно замолк. Айонки скорчил ему рожу. Мол, потом объясню, и потихоньку начал выползать из приемной, подталкивая перед собой непонятливого коллегу.

Сиятельный гнев «Великого и Ужасного» дона Антонио объяснялся на самом деле до неприличия просто: грипп.

Вышедшие из мясорубки в Зеленом Лепестке земные маги сделали за время, проведенное в Пестике, много, очень много. Они создали Братство Магов Земли. Они основали государство людей в Пестике – Директорию. Они заложили Улитарт – Город Безумных Магов, Станный Город, Город Надежд, Город Тысячи Радуг, где любой мог начать учиться магии и мог почувствовать себя счастливым. Они, наконец, отбили вторжение Старших Рас Клевера, решивших выжечь каленым железом из Пестика человеческую заразу, возомнившую себя сборищем великих магов. И еще бесчисленное количество побед и свершений они смогли совершить.

И вот только с одной ма-а-аленькой проблемой они никак не могли справиться. Вернее – проблемами. И на самом деле очень маленькими. Вирусы. Ну не брались они магическими узорами, хоть ты тресни. А с традиционными земными лекарствами болезни и проходили традиционно: нелеченые за неделю, а леченые – за семь дней.

Вот и бродит по коридорам призрак прежнего дона Антонио Сибейры, пугая покрасневшими глазами и носом встречных и поперечных. В шаркающем ногами и непрестанно сморкающемся теле с трудом угадывался прежний элегантный красавец Сибейра, первым из людей заимевший (если верить слухам) гарем из прекрасных представительниц Старших Рас.

А с утра в кабинете дона Антонио обретается ни много ни мало как Шаман, руководитель безумного проекта, затеянного Мастером Ацекато, под скромным названием «Улитарт».

– Давдо ждешь? – поинтересовался Сибейра, входя в свой кабинет. Просто так поинтересовался. О том, что Шаман нахальнейшим образом с утра занял его кабинет, ему доложили еще часа три назад. Дон Антонио сразу же к нему и направился, но в бардаке, именуемом Братьями Ищущими и Находящими, добраться до кабинета руководителю не так-то просто.

– Здравствуй, рад тебя видеть в добром здравии, – телом длинный и нескладный, лицом – внебрачный сын сенбернара, Шаман поднялся из-за стола, разложившись во весь немаленький рост. – Не очень.

Он распахнул объятия, смахнув при этом со стола недопитую чашку. С дошем, как отметил страдающий по чашке этого самого доша Сибейра. И раздраженно хмыкнул про себя: «Судя по всему, не очень долго. Конечно, что для философа три часа созерцания? Пустяк». Но

улыбнулся в ответ абсолютно искренне. Шаману прощалось многое. Фактически всё. Нескладный изобретатель, так и не признанный на Земле, в Пестике он развернулся в полную силу, выдавая такие нестандартные работающие решения, что даже у магов, никак не страдающих от отсутствия креатива, глаза лезли на лоб.

– Пдо доброе зддавиe эдо ды со зла, – прочихался Сибейра. – Дедавижу эдих удодов. Ненавидел он уродов уже давно, но помогало это мало.

– Ходь бы ды пдидумал чего, – пожаловался испанец Шаману. – Говожд, у тебя чудодеи всякие есть. Дак неужеди пдодив насмодка ничего пдидумать не можете? А-а-апчхи! – сотряс кабинет он и с чувством выругался: – Зад-даза!

– Сейчас посмотрим, что можно сделать, – прищурился Шаман. – А к моим лучше не суйся. В плане придумать чего – им равных нет. А вот в плане на самом деле вылечить или что-то сделать, так это тебе в другое место. Хоп!

Он хлопнул в ладоши, и в кабинете явственно запахло какими-то цветами.

– Ну-ка, попробуй подыши.

Сибейра с готовностью высунул язык и задышал, как собака.

– Носом, – укоризненно поправил его Шаман.

– Ой, – удивился Антонио. – Дышит. Так чего ж ты раньше-то молчал? Чего ж я мучился?

– Не, – прищурился потомок сенбернарлов, – это работает только в моем присутствии.

Как уйду, придется дальше страдать.

– А я тебя арестую, – широко осклабился Сибейра. – Прикую к себе – и дело с концом. То-то счастья будет.

– Ну не знаю. Ты точно уверен – насчет счастья?

Сибейра огляделся. Пятна доша на столе, открытое окно, в которое радостно слетает ветерок, шевелящий беспорядочную кучу бумаг на столе...

– Да уж, про счастье – это я погорячился.

– Во-во, и я про то же. Тем более что Улитарт надолго оставлять нельзя. Ты представляешь, что там без меня может случиться?

Дон Антонио представил – и содрогнулся.

– Да уж, езжай-ка ты домой. У меня и без твоих красавцев забот полон рот.

Шаман довольно осклабился, хотя, с точки зрения Сибейры, ему следовало бы зарыдать. И рыдать, не переставая, часа три. «Творческие поиски» детей Улитарта могли довести до белого каления кого угодно.

– И правда, – Шаман с удовольствием потянулся, – поеду я.

– Так ты просто доша заехал попить? – Сибейра оглядел царящий вокруг бардак.

– А, точно, – Шаман хлопнул себя по лбу, – я ж по делу приехал.

– Издеваешься? – прищурился испанец.

– Немного, – признался Шаман и выставил вперед ладони, защищаясь от свирепеющего Сибейры. – Но согласись, это ведь небольшая плата за вылеченный нос.

– Зараза ты, – расхохотался вдруг Антонио, злости как не бывало. Ну решительно, на Шамана невозможно было сердиться. – Выкладывай, с чем приехал?

Дверь открылась, и на пороге выросла фигура Айонки, держащая в руках поднос с двумя чашками дымящегося доша. Вольд знал, что шефу сейчас надо.

– Спасибо, – с чувством поблагодарил его Сибейра. – Именно то, что сейчас надо.

– На здоровье, Ваше Магичество, – слегка поклонился Айонки и повернулся к Шаману: – Не желаете?

– Не откажусь, – тот ухватился за предложенную чашку. – А что, надо и мне привычку в Улитарте завести, чтобы титуловали как положено. Очень это правильно. А то прямо как некультурные у меня: Шаман да Шаман.

Он подмигнул Айонки и отвернулся, пряча улыбку.

– Рассказывай, за какими Тварями приперся, – прорычал Сибейра, делая огромный глоток горячего доша. Обжегся, поперхнулся и разозлился еще больше.

– Так я пойду? – Айонки начал пятиться к двери.

– Свободен. – Когда за вольдом закрылась дверь, Сибейра развернулся к Шаману: – Ну и зачем тебе потребовался этот спектакль?

– Не злись, – Шаман с хлоппаньем потянул горячий дош, – я просто пошутил.

– Ты пошутил, он пошутил, в итоге я тут языком болтаю, а дела стоят. Ты знаешь, сколько народу у меня на прием сейчас?

– Нисколько, – улыбнулся Шаман. – Ты же всех расчихал, не забыл? Айонки просто под танки лег, чтобы ты доша попил и на человека стал похож.

– Да иди ты, – буркнул дон Антонио, остывая. – Давай выкладывай, что тебя с твоих гор сюда занесло.

– Ты понимаешь, – Шаман отставил кружку, посерьезнел лицом и внезапно перестал быть похож на дурашливого сенбернара. Сейчас эта собака была очень серьезна. Сибейра улыбнулся про себя. Вот такой Шаман как раз и мог держать под собой Улитарт. Он таким бывал редко, но те, кто его таким видел, больше не обманывались насчет мечтательного неуклюжего увальня. – Не нравится мне, что в Пестике творится. Нелюди начали преследование магов.

– И ты заметил, да? – Сибейра не удержался и фыркнул в кружку, брызги залили и без того забардаченный стол. – Совершеннейшие подонки. Житья от них никакого не стало, то ли дело раньше, когда мы только в Пестик пришли. Вот как сейчас помню...

– Очень смешно, – кисло заметил Шаман, – я не про это.

– Да и я не про это, – ухмыльнулся Великий Инквизитор. – Что ты имеешь в виду под этим «начали преследование»?

– Я про ребят говорю, местных, у которых способности к магии были. Раньше как-то спокойно к ним относились. Имели их в виду, но не больше, а в последнее время ко мне всё чаще и чаще сообщения приходят, что то тут, то там парня или девчонку нелюди убили. Боевая пятерка прошла – и все, нету человека.

Он замолчал.

– Ну? – не понял Сибейра. – Что здесь необычного? Они зачищают наш потенциал. Чтобы нам неоткуда было брать резервы. Ты же сам ратовал за то, чтобы мы активнее привлекали местных. Ну вот и естественная реакция последовала. Я так даже плюсы в этом вижу. Нелюди тут ошибку сделали. Теперь, у кого хоть немного способностей есть, все к нам рванут. Выбора не осталось. Либо в Директорию, либо на тот свет. И чего страшного?

– Ты всегда таким злым и циничным был? – поинтересовался Шаман. – Или тебя работа испортила?

– Жизнь тяжелая, – желчно отрезал Сибейра. – Там, где ты ничего не можешь, там ты ничего не должен хотеть. Слышал такое высказывание? Я не могу контролировать каждого потенциального мага в Пестике, тем более что они и так достаточно хорошо прятались до этого. Поэтому я радуюсь тому, что достается лично мне. Или у тебя другое мнение на этот счет? Есть идеи, как всех от нелюдей ограбить? Так не держи в себе, поделись.

– Есть немного, – почесал нос Шаман. – За этим к тебе и пришел.

– Да? – приглашающе поднял тонкую бровь дон Антонио.

– В чем основная проблема латентных магов, за которыми нелюди пришли? – Шаман вопросительно посмотрел на Сибейру.

Тот не повелся на интерактивную беседу, лишь наклонил голову: продолжай.

– Им деваться уже некуда. От боевой пятерки не уйдешь. – Он замолчал, ожидая реакции. Не дождался. – Все знают, что мы принимаем человеческих магов, но для этого надо идти в Директорию. А еще лучше – сразу в Улитарт. Так?

– К чему ты клонишь? – нарушил молчание Сибейра.

– Надо дать им возможность добраться до нас. Вовремя. Помочь им, – Шаман попытался развернуть мысль в ответ на озадаченный взгляд дона Антонио. – Короче, мои умельцы разработали амулет, который настроен будет на конкретную точку выхода в Директории. Я предлагаю разбросать их по баронствам и оповестить всех, что и как работает. В этом случае очередному бедолаге не придется делать марш-бросок до границ Директории, а всего лишь добраться до амулета. Их можно много наделать.

– И как быстро нелюди научатся их блокировать? – поинтересовался Сибейра.

– Месяца через четыре, я думаю.

– И всё? Ты предлагаешь устроить массовую акцию ради четырех месяцев работы? Кто этим будет заниматься? Ты часом не за Господа Бога меня принимаешь: пальцами щелкнул – и все? У меня и половины необходимого количества людей нет. Текущие проблемы не решаются, а ты хочешь втянуть нас в какую-то бредовую затею, которая кончится через четыре месяца, когда Старшие Расы расшифруют твой узор и заблокируют его?

– Да я от тебя ничего и не хочу, – Шаман развел руками. – Мы с этим в состоянии сами справиться. Тем более что Мастер не против.

Сибейра споткнулся об это заявление. Мастер Ацекато был не из тех, кого легко было подбить на откровенные авантюры. Раз он согласился, значит, что-то в этом есть.

– Как это – не против?

– Он, в принципе, одобрил идею. Из тех, кого сможем вытащить, много можно хороших ребят набрать. Осталось с тобой договориться.

– Договориться о чем? – прищурился Сибейра.

– О точке выхода. Я предлагаю её здесь сделать.

– Здесь?!

– Ну да, – Шаман жестом остановил испанца, поднимающегося из кресла разъяренным быком. – Ты не кипятись только сразу. Точку выхода надо делать здесь, потому что больше нигде.

– Да что ты? – язвительно начал Сибейра и осекся.

– Вот, – назидательно поднял палец Шаман. – Ты тоже понял. Представь, что будет, если мы выход сделаем в Улитарте, например. Мои-то, конечно, не против будут. Еще бы, братья по разуму...

– Ага, – мрачно согласился дон Антонио. – А мои повесятся вылавливать разных там Стрелков посередине Улитарта. Сколько их набегит, представляешь?

– Вот и я о том же, – закивал большой лохматой головой Шаман. – А так любой, кто захочет попользоваться халявой от Братства, тут же к тебе тепленьким попадет. Надо только место огородить, чтобы они там до времени сидели и выйти не могли.

– Поучи еще, – ворчливо ответил Сибейра.

– Не буду, – покладистости Шамана сейчас мог позавидовать хорошо вышколенный мажордом. – Как скажете, Ваше Магичество.

– И это всё ради каких-то трех-четырех месяцев, – горестно вздохнул Сибейра, закатывая глаза. – Ладно, я поговорю с Мастером.

– Да тебе и делать-то всего ничего придется. – Шаман умильно улыбнулся, опять превращаясь в несурзадного милого сенбернара. – Только разбросать по баронствам.

– Уйди с глаз моих, – замотал головой Сибейра. – Мне к моим проблемам только тебя не хватало.

– Всё-всё, – улыбнулся Шаман. – А чтобы легче работалось, я тебе тут цветник устрою.

Он еще раз звучно хлопнул в ладоши – и в комнате опять установился свежий запах цветов.

– Это мои на основе гомеопатии придумали, – пояснил он. – Теперь, пока в кабинете будешь сидеть, насморка не будет. Больше пока не могу ничего, извини.

– Я же сказал, что поговорю с Ацекато, – нахмурился дон Антонио.

– Ты часом не решил, что я тебя покупаю? – ухмыльнулся Шаман. – Могу я просто так хорошему человеку приятное сделать?

– Иди уже, – рассмеялся Сибейра. – Айонки тебя проводит. А то я уже боюсь представить, что еще ты выдумаешь, если тебя без надзора хотя бы на полчаса здесь оставить.

Шаман сделал «уголок», опершись на ручки кресла, и дурашливо подпрыгнул:

– Я тебя тоже очень люблю.

Глава 7

Маленькая звезда, не дающая света, всё так же висела высоко-высоко, показывая, где небо. Ирил не знал, сколько он здесь пробыл, вроде не очень много, но вставать по-прежнему не хотелось. Свинцовая усталость не усиливалась, но и не отпускала. Всё оставалось как было. Только девичий голос иногда прорезал ватную темень. Ланья улыбался ему, как старому знакомому, но с места не двигался. С этим голосом было связано что-то очень хорошее, но нет, не вспомнить. Да и незачем. Тут хорошо, спокойно.

– Ты кто?

В нормальной бы жизни Ирил подпрыгнул как ужаленный, но сейчас просто чуть скосил глаза. В тяжелой черноте вышло в ту же цену.

Один кусок черноты был как будто бы чернее остального.

– Ты кто? – настаивал голос.

– И-и-р-и-и-л, – а говорить-то, оказывается, еще труднее, чем двигаться.

– Чего орешь? – Черный кусок темноты придвинулся ближе. – В голове не можешь, что ли, разговаривать?

– Мо-о-гу, – думать получалось быстрее, чем говорить, но тоже не быстро. – А ты кто?

– Я-то мох, а ты что за «ирил»?

– Ка-кой мо-ох?

– Обыкновенный, а ты-то кто?

Ирил задумался. Задача оказалась непосильной. Мысли ворочались в голове, как огромные валуны, чернота начала двигаться из стороны в сторону. Мох? Разговаривает? Это что ж такое?

Непонятное пятно услышало его мысли.

– Сам ты мох. Не мох, а мох, понятно?

– Не-е-а, – Реальность, если это можно так назвать, с трудом поддавалась осмыслению.

– Живу я тут.

Понятнее не стало.

– Ирии-и-ил! – Далекий девичий голос опять прорезал черную вату.

– Скажи ей, чтобы замолчала, – потребовал кусок черноты.

– Са-а-м ска-а-ажи-и.

– Я не могу, я раньше.

– Что-о ра-аньше?

– Раньше, чем она, – пояснил голос.

Ланья почувствовал, что удушающая чернота – это еще не предел. Оказывается, отсутствие осмысления черноты, это еще хуже. Разговаривающий мох, который не может говорить с девичьим голосом, потому что он раньше. Бррр. Если бы Ирил мог, он бы замотал головой. Но сейчас получилось только тихо застонать.

– Э-эй, не уплывай. – Ланья вдруг почувствовал тычок в бок. Пятно приобрело смутные очертания небольшого зверька. – Ой, ты жжешься. А-а, вот почему ты тут. И как это ты смог такое натворить?

Всё, голова остановилась. Черная вата вокруг стала вдруг спасительной. Уставившись в темноту, Ирил отключил всё, что мог, и замер, умиротворенный и довольный. Больше ему ничего не надо. И даже далекий девичий голос стал отдаляться и стихать. Но отдохнуть ему не дали.

– Эге-гей, ты только не засыпай, – настырный голос выдернул его из блаженного состояния. – Тебе нельзя здесь спать. Давай, расшевеливайся. Смотри, там к тебе еще кто-то рвется.

Ланья с трудом открыл слипающиеся глаза. Далекая звездочка стала как будто бы ярче. Вокруг нее появился слабо мерцающий ореол. Еще одна точка начала моргать рядом, но погасла. Ирил отстраненно наблюдал все это.

– Не дотянутся, – прокомментировал голос. – Они ж не знают, что мы тут.

– Зна-ают, – сонно отозвался Ланья.

– Не-а, – не согласился разговаривающий мох. – Они знают где, но не знают когда.

– Иди ты, – вот послать получилось четко и членораздельно. Почему-то послать всегда лучше получается. – Где-е, ко-огда-а... Бе-ез тебя-а то-ошно.

– Вот без меня тебе бы точно тошно было, – продолжал зудеть голос. – А со мной, глядишь, и ничего получится.

– О-отва-а-ли, – выдохнул Ирил и постарался все-таки заснуть.

Никак. Голос перестал выдавать комментарии, зато начал что-то бубнить. Но не монотонным успокаивающим звуком, а раздраженным зудом потерявшейся мухи.

– Ну-у, че-его-о, те-ебе-е, еще-е? – Ланью начало доставать это соседство. Мало того что ни руки ни ноги не поднять, так еще и забыться не дают.

– ...попомнишь меня, когда узнаешь, так поздно будет, – голос стал отчетливей, но бубнящие интонации остались. – Ни «спасибо» тебе, ни «пожалуйста». Держи его тут, спасай. Одно извинение, что ничего ты не соображаешь и серёдкой придавленный.

– Что-о ты-ы хо-оче-ешь? – сдался Ирил.

– Сиди, жди, пока твои там придумают, как тебя вытащить, – отчеканил мох. – А до этого спать не моги. А то не проснешься. И голос твой слушай, он тебя тоже вытаскивает. – Он помолчал немного (о, блаженство) и абсолютно алогично добавил: – Только скажи ей, чтоб не орала.

– Ка-ак? – поинтересовался Ланья. Он очень сильно надеялся, что сарказма в его голосе достаточно. Оказалось, нет. По крайней мере для моха.

– Как хочешь. Тянись к ней.

Ирил послушался зачем-то. Из последних сил он потянулся к далекой звездочке. Она стала ближе или это ему только кажется?

– Ну, еще, еще, сильнее, – откуда-то сзади начал подстегивать его мох. – Давай, тянись. Ну! Ну же!

Звездочка стала ярче, к ней добавилась еще одна, еще. Замерцали сполохи... Нет, сил не хватало, и Ирил начал медленно падать обратно, в спасительную темноту.

– А... э-эх, ты, – разочарованно протянул сбоку голос моха.

Не получилось. Совершенно обессиленный Ланья блаженно вытянулся на... полу, короче. Еще не хватало сейчас начать разбираться как тут что называется.

– Да уж, ты безнадежен, – прокомментировал мох. – Сиди теперь, жди.

– За-ткнись! – На этот всплеск ушли последние силы, и Ланья почти отключился.

– Не могу, – жизнерадостно чирикнул голос. – Ты без меня заснешь – и всё.

Вот это было верно. Только проснувшись почти звериная ненависть к мешающему спать моху поддерживала Ирила хоть в каком-то подобии сознания. А тому хоть бы что.

– О, гляди, тебя понесли куда-то.

И правда, звездочка сместилась вправо. Вернулась. Влево. Вернулась.

– А мне интересно вдруг стало, – почти пропел рядом мох. – Куда это тебя потащили и чего делать будут? Я, пожалуй, посижу тут, с тобой. А то вдруг ты без меня того...

Если бы у Ирила оставались силы, он бы застонал, а так...

– Ваше Магичество, – Степашка просунул голову в приоткрытую дверь кабинета Сибейры. – Можно?

Щуплый белесый Степашка с честными, вечно удивленными глазами особыми магическими талантами не обладал. Так, на троечку. Но дон Антонио держал его вовсе не за это.

У парня был уникальный талант влезать без мыла в любую задницу и договариваться с кем угодно о чем угодно, включая вечно недовольных мастеров-оружейников из числа глеммов. Один раз он совершенно бесплатно выцыганил комплект боевой одежды у самого Утабая, признанного мэтра-оружейника всего Пестика и по совместительству редкостной сволочи. Злые языки поговаривали, что Степашка банально махнулся с Утабаем на что-то, но Сибейра точно знал, что это не так. И всё было бы ничего, но, будучи абсолютно компанейским парнем, Степашка совершенно не желал признавать никакой воинской дисциплины. А в свое время силком назначенный на должность Торквемада, наоборот, эту самую дисциплину с некоторых пор возлюбил безмерно. Но поскольку все свои многочисленные таланты в области разгильдяйства Степашка активно применял направо и налево, невзирая на чины, то и к самому Сибейре он вламывался точно так же, как к любому другому магу Директории. То есть как к себе домой. Раздражало это весьма, но дон Антонио, памятуя о многочисленных заслугах молодого нахала, терпел. До поры.

– Можно козу на плацу, – с удовольствием вернул Сибейра фразу, подхваченную у Мастера Ацекато, то бишь Семена Алексеевича Точилинава, в прошлом (уже далеком) полковника российской армии. – Ты ж, балбес, почти военный человек: – «разрешите».

– Разрешите? – Степашка, ничуть не смутившись, втек в кабинет вслед за головой. – Там...

– Не разрешаю, – мстительно отчеканил дон Антонио. – Выйди и жди, пока позову.

– Так там... – Степашка искренне не догонял, чего это вдруг два слова нельзя сказать в пустом кабинете.

– Крру-гом! Ша-гом марш! – правдоподобно закипел Сибейра, напомнив, что прозвище Великий Инквизитор, может быть, не так уж и далеко от истины.

Степашку вымело. Дон Антонио поправил безукоризненно белый манжет и довольно ухмыльнулся. Общение с Точилиновым давало результаты. Мастера Ацекато не так давно пробил очередной приступ ностальгии по матушке-Земле, и он начал активно вспоминать былое. Большею частью «былое» заключалось во введении в обиход земных армейских правил и привычек. К данному моменту приступ ностальгии у Точилинава уже прошел, но Сибейра, которому систему под себя еще предстояло строить и строить, почерпнул много нового. И кое-что из этого нового – вот, пожалуйста, работает.

– Ну, где ты там? Заходи, – выждав паузу, позвал Сибейра.

Дверь открылась, и в кабинет строевым шагом (это он так думал), звучно шлепая по полу подошвами, вошел Степашка. Замер перед столом, преданно глядя в глаза.

– Ваше Магичество, честь имею доложить, к вам посетитель.

И замолчал, выпучив глаза от демонстративного усердия.

– Кто? – поинтересовался Сибейра.

– Не могу знать, – все так же выпучивая глаза, выпалил Степашка.

– То есть? – не понял дон Антонио. – Ты привел сюда непонятно кого? К моему кабинету?

– Никак нет, – доложил из всех сил дурачащийся парень. – Не сюда. Он, она то есть, внизу.

– «Он», «она»? В каком низу? Посетитель ко мне? Ты что, съел не то что-то? Что ты несешь?

– Да нет, дон Антонио, – говорить о серьезных вещах и держать маску дурачка Степашка больше не мог. – Там внизу, в карантине, какая-то старая торквани. Говорит, что ей нужны именно вы. Пойдете? Или Ищущим оставить?

После визита Шамана и продвижения им идеи разбросать по Пестикку амулеты доступа в Директорию прошло почти четыре месяца, отпущенных нелюдям Сибейрой на расшифровку и блокировку узора. Надо отдать должное Шаману с Мастером Ацекато, идея себя оправдала на все сто процентов. И даже больше. Неофитов набрали выше крыши. Шаман был счастлив.

А в качестве пряника сверху Братьям Ищущим достались три боевые пятерки Желтых Стрелков, захвативших амулеты и сунувшихся в открытые порталы. Так что, пока можно – пусть работают. А тут еще и какая-то старая торквани. Скорее интересно, чем нет.

– А зачем ей именно я? – поинтересовался Сибейра.

Степашка пожал плечами, дурашливо разведя руки.

– Ладно, пойдем посмотрим, – дон Антонио выбрался из кресла.

В подвале было на удивление темно. Сибейра тут был только один раз – при запуске портала, принимающего тех, кто воспользовался амулетами Братства. С тех пор тут мало что изменилось, разве что света убавилось. Ярким пятном выделялась только приемная камера – просторная клетка, усиленная магическим узором. В остальном помещении царил полумрак.

– А почему тут так темно? – через плечо поинтересовался Сибейра у Находящего, невысокого паренька со скучающим лицом, который их сопровождал (Степашка, естественно, увязался с шефом).

– Так удобнее, – прокомментировал тот, – мы их видим, они нас – нет.

Логично, согласился про себя Сибейра. И на самом деле удобно. Сейчас они могли без помех рассмотреть необычного гостя, пожаловавшего к ним. Гость действительно был очень необычный. Точнее, гостья.

Высокая фигура неподвижно стояла посередине клетки, опираясь на посох. Или просто держа его в руках. Непохоже было, чтобы посох ей хоть сколько-нибудь был нужен. Подернутые красной волосами, боевой султан торков на макушке, изрезанное морщинами старое лицо. Она была одновременно и похожа и не похожа на всех старых торквани, которых Сибейре доводилось до этого видеть. На первый взгляд, совершенно обычная, она приковывала к себе внимание горделивой осанкой и монументальной неподвижностью. Так выглядел Муритай, правая рука Мастера Ацекато, когда хотел казаться значимым. Тогда с него слетала показная дурашливость, и перед всеми предстал вожь и потомок вождей.

– Сараси Са-Сефара? – полувопросительно позвал Сибейра.

Торквани неспешно повернула голову:

– Я не сараси. Просто Са-Сефара.

Еще одна необычность. Это в Желтом Лепестке назваться «сараси», не имея на то права, означает нарваться на серьезные неприятности, а в Пестике торки совершенно спокойно воспринимали это обращение как уважительное. Блюстительница традиций? Торквани тем временем разглядела пришедших в полумраке.

– Ты тот, кого называют Торквада? – Она посмотрела на Сибейру – и тот поежился. Взгляд старых глаз очень напоминал прицел. Да уж, действительно необычный экземпляр занесло в приемник.

– Торквемада, – криво усмехнулся Сибейра, Муритай ему уже объяснил, что «торквада» на торкване значит «людоед». – Это одно из моих имен.

– Это правильно, – чуть наклонила голову Са-Сефара. – У воина должно быть много имен, чтобы никто не смог объять их все.

Дон Антонио прищурился: эта торквани явно понимала, о чем говорит.

– Вы шаман? – Он хотел добавить «сараси», но удержался.

– Была, – невозмутимо согласилась торквани. – Теперь я никто.

Сзади за спиной тихонько присвистнул Степашка. С сопровождающего их Находящего слетела зевотная скука. Еще бы, привести самого Торквемаду под шамана. Если она сейчас бросит боевой узор, как раз для таких самоубийц и придуманный, то спасти их сможет только небольшое чудо. Она сама, конечно, погибнет, но если это подстава, то ей все равно. Минус Сибейра – что еще надо?

Дон Антонио как не заметил признания.

– Что привело вас к нам?

– Мне говорили, что вы принимаете людей-магов и помогаете им?

– Кто говорил? – уточнил дон Антонио.

– Ваш амулет, – Са-Сефара показала амулет Братства, который она так и держала в руке.

– Принимаем и помогаем, – подтвердил Сибейра. – И не только людям. В Улитарте рады всем.

Действительно Улитарт принимал всех. В Городе Безумных Магов было полным-полно нелюдей. Значительно меньше, чем людей, но все равно достаточно. Кстати, об этом все прекрасно осведомлены. Откуда она свалилась?

– Мне не нужен Улитарт. Мне там не помогут.

– Так кому нужна помощь? – не понял дон Антонио. – Вам конкретно или какому-то человеку?

– Человеку, – наконец-то разродилась торквани. – Вашему человеческому щененку. Слишком много на себя взял, теперь не может справиться.

Она замолчала. Сибейра молчал тоже, она пришла – пусть высказывается. Пауза затягивалась.

– Чем мы можем вам помочь, уважаемая? – ни с того ни с сего влез Степашка.

Сибейра ему чуть подзатыльник не влепил. Еле удержался, чтобы не устраивать свару на глазах у посетительницы. Нет, ну это надо, а? О какой дисциплине и о каком порядке в Службе может идти речь, если ближайший помощник на субординацию плюет не глядя?

– Ваш мальчишка – халь, – пояснила Са-Сефара. – Слишком много на себя взял, теперь не может справиться. Четыре наших амулета завернуть вокруг себя, это даже для шамана много. Меня не хватает, чтобы его вытащить.

– Что значит «четыре амулета завернуть»? – Сибейра подался немного вперед. – Каких амулетов?

– наших, человек, наших, – понимающе усмехнулась торквани. – Стандартные амулеты, закрывающие от хальер. Он попытался их развалить, но на четыре сразу сил не хватило.

– А не на четыре? – прищурился дон Антонио. – Хватило бы?

– Хватит, – пристукнула посохом Са-Сефара. – Давайте не будем в загадки и отгадки играть. Да, мальчишка может ломать торкские амулеты-блокираторы. Конкретно эти четыре висели на Желтых Стрелках, которые за нами пришли. А сейчас он лежит, и тронуть его никак. Что-то серьезное он сплел из этих амулетов.

– Это были штатные амулеты Желтых Стрелков? – мягко, обманчиво мягко, спросил Сибейра.

– Да, – Са-Сефара посмотрела прямо в глаза испанцу. Тот еще раз поежился. – Может, теперь вы решите помочь парню? Хотя бы ради этой его способности.

Великий Инквизитор дон Антонио Сибейра выпрямился. Сарказма на сегодня было более чем достаточно.

– Мы в любом случае помогаем всем, кто обращается к нам. Никто в пределах Пестика или всего Клевера не может сказать, что, обратившись к Братству Магов Земли, он не получил помощи, о которой просил. Мои вопросы были заданы лишь для того, чтобы понять, с чем мы столкнулись.

Прозвучало несколько напыщенно, но Сибейре надоело выслушивать упреки в корысти. И без этой торквани дел по горло, убеждай еще её.

– Что нужно сделать, чья конкретно помощь вам нужна и куда надо попасть? – Дон Антонио перешел на деловой тон.

– В Хайар, – Са-Сефара твердо смотрела сквозь прутья решетки.

Сзади тихонько присвистнул Степашка: да, далекоато забрались ребята. А потом из торквани как будто выдернули стержень. Рука, держащая посох, соскользнула вниз, торквани опустила горящие глаза, и даже гордый голос стал тише.

– Я не знаю, – теперь перед Сибейрой был не торкский шаман, блюдуший родовую честь, а просто усталая пожилая женщина, которая очень нуждалась в помощи. – Я даже не знаю, что он сделал. Он лежит там, перед домом, а я даже дотронуться до него не могу. Он как здесь и не здесь. Иногда начинает пропадать куда-то, но Сова его зовет, и он возвращается.

Ее голос упал до шепота, но магам было не до сострадания сейчас. Скорая помощь не всегда имеет право на ситуативное сострадание. Как бы ни было больно или невежливо, но сначала надо спасти, а уж потом разбираться с тонкими материями.

– Сова – это кто? – подал голос из-за спины Сибейры Находящий. Все правильно. Она просила Торквемаду, она его получила. Первичное требование выполнено, теперь за дело берутся те, кому положено. И кто, если честно, сделает это лучше.

– Сова – это девушка, его девушка, – все так же тихо ответила торквани. – Она тоже халь. Может вам пригодиться. Правда, не знаю для чего. Хальер разума никогда не была сильной стороной людей.

Сибейра, пока суд да дело решивший закурить, подавился сигаретой.

– Халь разума?! – отплевываясь, перебил он уже начавшего говорить Находящего. – Правильно ли я вас понял, сараси Са-Сефара? – На сей раз торквани не отреагировала на обращение никак. – У вас там, в Хайаре, сейчас собрались человеческая девушка, халь разума; парень, который в одиночку справился как минимум с четырьмя Желтыми Стрелками, нейтрализовав при этом их штатные амулеты-блокираторы, с которыми, скажем так, очень трудно что-либо сделать, правильно? И еще до кучи полноценный шаман-торквани в вашем лице. У вас там не филиал Улитарта часом? Или Шаманерия выездные курсы открыла? А Мастера Состояний случайно нет там в окрестностях?

– Я не знаю, о чем вы говорите, – к торквани начала возвращаться былая невозмутимость. Момент слабости миновал. – Никаких мастеров состояний там нет. Есть только торк-воин.

– Ваш воин? – небрежно, как бы между делом, уточнил Сибейра.

– Мой, – автоматически кивнула торквани и вдруг вскинула голову: – Нет, он не может быть моим. Он просто воин. Сам по себе.

– Понятно, – покладисто согласился дон Антонио. – Просто воин. Сам по себе.

– Ничего тебе, человек, не понятно, – ни с того ни с сего взвилась Са-Сефара. – Тиира, гда вион. Теннака, бусиро шеен изен да тон. Тиира, гда саррис. Оденно, сараси изен даял диис.

Степашка с Находящим дружно дернулись, прикидывая, не узор ли бросает торквани? Уж больно торжественность и ритмичность произносимого смахивали на плетение заклинания. Кто их, торков, знает, как они узоры рисуют, тем более что не понять было ни слова. Это в Пестике-то, где понимание разных языков забито прямо в линии хальер. И только Сибейра остался абсолютно спокоен.

– Как вам будет угодно, – немного склонил голову он. – С вашего позволения, я приглашу вас на чашку доша, – он выразительно посмотрел на Находящего, – пока мы будем собирать необходимых специалистов.

Степашка покосился на шефа, но ничего не сказал. Находящий же, правильно истолковав начальственный взгляд, подошел к столику с разложенными амулетами и немного повозился с ними, снимая ограничивающий узор.

Безапелляционно указав Степашке на выходящую из приемника торквани (вот тебе за нарушение субординации и излишнее любопытство), дон Антонио откланялся.

Проследовав в свой кабинет, Великий Торквемада аккуратно закрыл дверь, настроил два амулета и аккуратно положил их перед собой. На его лице и следа не осталось от начальственной значимости.

– Семен, Шаман, мужики, какой экземпляр мне сейчас в приемник свалился, это что-то. Датой-шаман с личным воином. Ума не приложу, что она тут делает и как прячется, но факт. За помощью пришла, представляете? Выручать надо девчонку, мага разума, и парня, который умеет ломать торкские амулеты. Как вам, а? Шаман, давай собирайся. Мне от тебя надо будет...

Закончив разговор, дон Антонио развалился в кресле, повернулся лицом к вечеряющему окну, закинув руки за голову, и задорно подмигнул зеленоватому солнцу Пестика, неспешно собирающемуся баиньки. А все-таки здорово иногда самому в поля выбираться. Тускло все время в кабинете сидеть. Немного полюбовавшись на тихое умиротворение заката, Сибейра еще раз подмигнул солнцу, уже другим глазом, упруго подпрыгнул и пошел выбирать экипировку.

Глава 8

Хайар встретил их совершенно неожиданным ледяным ветром.

– Ни хрена себе «здравствуйте», – прокомментировал Шаман порыв обжигающе холодного ветра. – Тут и оценишь Улитарт с Ацетом.

И правда, Улитарт, где обретался Шаман, и Ацет, столица Директории, сильно отличались от местного климатического «гостеприимства». В лучшую, естественно, сторону. Ацет, единогласно прозванный так вопреки бешеному сопротивлению Точилинова, усмотревшего в названии зарождающийся культ личности, стоял на равнине с замечательным мягким и теплым климатом. Еще бы, места – море, государство новое, выбирай, чего душа пожелает. Так где же было магам выбирать резиденцию для себя любимых, как не в самом уютном месте? А с Улитартом вообще разговор отдельный. Он мог стоять хоть на вершине самой высокой горы, все равно там было бы замечательно. Город Тысячи Радуг сам о себе заботился, хоть это в голове поначалу и не укладывалось.

Ничего подобного про Хайар сказать было нельзя. Ледяной ветер гнал по небу серые клочковатые облака, набегающие одно на другое. Серая морось наводила на мысли о том, что ежегодное проклятие Пестика длиной в месяц – сахаш, выматывающий душу моросью и безнадёжностью, не наступает и заканчивается, а просто проходится по миру, а потом возвращается домой. Сюда, в смысле. Безрадостная полоса свинцового моря вдалеке тоже не добавляла никаких положительных эмоций.

Десять человек (говоря более точно, восемь людей и два торка) замерли на скале, которой начинался (или заканчивался, как посмотреть) город. Слева лежал Хайар, но цель экспедиции, как объяснила Са-Сефара, располагалась несколько правее. Сибейра прикинул расстояние до темнеющего на горизонте леса, за которым, по словам торквани, только начинались болота, предваряющие путь к мысу Хакони, и подумал, что его понимание слова «несколько» сильно отличается от значения этого слова на торкване. Но делать было нечего, все равно на вершине этой скалы долго не простоишь, и дон Антонио начал спускаться. За ним потянулись остальные.

Вообще, состав экспедиции получился потрясающий, хоть картину пиши. Каждый из трех участвующих в ней членов Братства Магов выбрал попутчиков себе под стать. Сам Сибейра взял Айонки, он все-таки зрелый человек – в отличие от разных там балбесов. Кряжистый Айонки отличался той основательной неторопливостью, которая подкупает с самого начала. Эдакий гриб-боровик с добродушными глазами, хитро щурящимися с продубленного всеми ветрами лица. Он и по Территориям полазил, и океан неплохо изучил, пока не забрел из любопытства в Улитарт. Так что и нравы местные он знает, и как маг посильнее многих будет. Не сравнить с тем же Степашкой, который всю душу вынул, просясь с ними. Его для другого держат. А вторым, на боевое усиление, дон Антонио пригласил молодого гемара Находящих, Тооргандо, который, несмотря на свою молодость, звание гемара носил заслуженно. За парнем уже числилось четыре пятерки Стрелков, пытавшихся попасть в Улитарт. Среднего роста худощавый Тооргандо порывистостью движений напоминал мальчишку. И лицом был под стать подростку: падающая на глаза челка, серые смеющиеся глаза, открытая улыбка. Это – если не знать, что парень – один из лучших мечников Находящих и со стрелковым оружием у него тоже все в порядке. Не аталь, конечно, но очень неплох. И при всем при этом Тор, как его звали все вокруг, про магию и не думал забывать. Учился он самозабвенно. Практически всё свободное время пропадал в Улитарте. Что он там делал и у кого учился, Сибейра толком не вызнал, но то, что парень прогрессировал не по годам, а по неделям, это было очевидно. С таким набором Тооргандо сильно выделялся в и без того не скучной орде под названием «Находящие». Подчиненные, кстати, его боготворили.

Проводив взглядом своих подчиненных, дон Антонио перевел взгляд на улитартских и чуть не прыснул. Вот уж где паноптикум с кунсткамерой. Даже не беря самого Шамана, личность, выдающуюся во всех смыслах, в этой троице было на что посмотреть. Один Кощей Бессмертный чего стоил. Испанец по происхождению, Сибейра от русского эпоса был далек, но его просветили. Просветясь, Сибейра долго смеялся. А что? Похож. Кошун Ягович Бессмертных (он утверждал, что это настоящее имя) на самом деле был одно лицо с уродцем, которого попытался изобразить на листе бумаги Борис Уваров, просвещающий дону Антонио. Хотя, может, он с натуры рисовал? Но как бы то ни было, а смотреть без слез на этот ходячий скелет было трудно. Кощей, казалось, досыта не ел никогда в жизни. Костлявые руки выглядывали из рукавов, штанины свободно болтались вокруг тонких длинных ходулей, прозываемых ногами. Венчала это все овальная, абсолютно лысая голова с большими костистыми ушами. При всем при этом лицо Кощей было абсолютно нормальным, даже где-то аристократичным. Тонкий нос с горбинкой, умные глаза прячутся под стеклами очков в тонкой оправе, четко очерченный рот и волевой подбородок. Если рассматривать лицо отдельно от комичного тела, Кощей запросто мог сойти за крупного ученого мирового масштаба. Впрочем, почему «сойти»... В эту экспедицию его взяли не за аристократичное лицо. Кошун Бессмертных был мастером Разума. Действительно очень редким специалистом среди людей. Сибейра лично его не тестировал, но, судя по докладам, специалистом он был очень серьезным.

Третьим в их компании был Андрей Колобкин. Коллега Мастера Ацекато, вернее, тогда еще полковника Точилинова, по службе в Управлении Практической Магии Генштаба РФ. Он одним из первых на Земле признал в изобретенная Сибейрой легенде руку Точилинова и одним из первых же рванул в Пестик, поближе к приятелю. В том, что розовая мечта Мастера Ацекато – система связи, изобретенная в свое время Братством, из хрипящего аппарата Эдисона превратилась в нормально работающий дуплекс, была исключительно заслуга Колобка. Имея его в команде, можно было не беспокоиться о коммуникациях вообще. В данном случае, учитывая месторасположение мыса Хакони, в его привлечении смысл был. Дон Антонио даже одобрительно поджал губы. Как раз о связи ни он, ни Ацекато не подумали. Взяли стандартные коммуникаторы-амулеты, и все. Ну что ж, потому Шаман и первый в Улитарте, что может не только разных странных личностей привечать.

Ну а с группой руководства всё было предельно прозрачно. Мастера Ацекато сопровождали торк Муритай и энергетик Борис Уваров. Муритай был напарником Мастера Ацекато еще со времени его первого появления в Пестике, когда тот еще не был ни Мастером, ни Ацекато. Напарник, телохранитель, нянька, прислуга за всё, личный друг и доверенное лицо. Все ипостаси огромный торк сочетал в себе совершенно естественно, и представить эту парочку по раздельности в Братстве, да и в Пестике вообще не мог уже никто. Так что тут все было понятно.

С Уваровым тоже всё просто. Старый, еще земной друг Точилинова, прошел с ним все перипетии становления Братства и Директории. Спокойный, надежный, он и выглядел так же. Высокослый, темные волосы, приятное лицо без резких черт. Борис никогда не отличался любовью к авантюрам. И сейчас занимался именно спокойным, надежным делом: отвечал за энергетику и стратегические запасы магиприпасов и амулетов Братства. Сам специалист по энергетическим воздействиям, он прекрасно разбирался в том, как и где могут пригодиться те или иные амулеты. А в Пестике, где практически всё держалось на амулетах и магиприпасах, от медицины до холодильников, этот пост приобретал немалый вес. Маги, конечно, могут себя сами обеспечить всем необходимым, но Директория – это не только маги. Да и вообще – если всё время заниматься только собственным жизнеобеспечением, много не наработаешь, а покупать всё это у Старших Рас уж больно накладно. Да и не продадут они Братству. Так что снабжение в Пестике было так же значимо, как и в любом другом мире. Правда, Бориса, как, впрочем, и любого другого мага Братства, собственная значимость волновала мало. Других

дел было полно. Единственно, не до конца оставалось понятным, зачем Борис нужен именно в этой экспедиции.

Хотя такой вопрос мог возникнуть не только у дона Антонио. Сторонний наблюдатель вообще впал бы в шок. Состав экспедиции вышел более чем звездный. Нормально, да: глава собственно Братства, глава служб Находящих и Ищущих, распорядитель Улитарта и начальник тыла. Остальные на их фоне смотрелись слабее, но это – только на фоне. А по отдельности – о-го-го. Любой, кто со стороны посмотрит, скажет: парень какой-то бриллиантовый попался, раз за ним столько тузов собралось. А на деле?

А на деле Антонио Сибейра запрокинул голову, подставляя лицо под непрестанно морозящий дождик, и весело улыбнулся непонятно чему. На деле всё просто: да надоело мужикам в кабинетах сидеть. Посты, значимость, ответственность, слава – это всё здорово, и никто ни от чего не отказывается (вот еще), но иногда хочется почувствовать себя простым вольдом, по полям скачущим, отвечать только за себя и только здесь и сейчас. Потом все вернутся в кабинеты и будут заниматься рутинной, но это потом. А сейчас-то можно кровь разогнать? Тем более что случай и вправду интересный.

– Тут всегда так? – поинтересовался Мастер Ацекато, ловко спрыгнув с последнего камня.

– Нет, – не поворачивая головы, отозвалась Са-Сефара. Получив то, что хотела, она уже не отвлекалась на мелочи, просто шла вперед, не заботясь об удобстве остальных. А локальный статус каких-то человечешек, которые себе сами игрушек понапридумывали, ее волновал мало. Ей сказали, что тут одни из лучших, – достаточно. – Океан с севера шторм гонит, поэтому так холодно. Обычно здесь гораздо теплее.

– А что, отсюда есть еще и север? – недовольно пробурчал Кащей, пытаясь поплотней запахнуть куртку. Торквани его проигнорировала, но отозвалась Айонки:

– Есть. Туда, правда, не дойти, да и незачем, но есть. Вот там как раз и холодно.

– Не верю, – повертел головой Кащей. – Страшнее кошки зверя нет.

– Еще как есть, – хохотнул Мастер Ацекато. Он шел полурасстегнутым, и ветер с дождем, казалось, не доставляют ему каких-либо неудобств. – Все то же самое, только при температуре минус три. И так – пару месяцев подряд. Да вперемешку с мокрым снегом. Вот где весело.

– Не дай бог, – Кащей демонстративно напялил капюшон.

– Мастер, а где такое бывает? – поинтересовался Айонки.

– Бывает, – рассеянно отозвался Ацекато. – В Питере еще и не такое бывает.

Он задумался и замолчал, а Сибейра вспомнил, что база Управления Практической Магии в России располагалась как раз где-то под Петербургом.

– А потом приходит лето, – подхватил Борис, – и начинается совсем другая история. Э-эх, – он мечтательно покрутил головой, – белые ночи в Питере – это что-то.

– Кстати, – вспомнил мерно переставляющий длинные ноги Шаман, – синьор Торквемада, а что у нас происходит с Землей?

– Что с ней может происходить? – делано удивился Сибейра. – Воюет со всем Клевером, как обычно. Если что интересное случится, не переживай, я доведу.

– Спасибо, – саркастично поклонился Шаман на ходу. – Про то, что она воюет, я где-то уже слышал. Я про другое спрашиваю.

– Если это самое «другое» заявится к нам в Пестик, а паче того в Директорию, – дурачась, надулся как индюк дон Антонио, – будьте уверены, Ваше Магичество, Служба Находящих его поймает, спеленает и на препарирование в Улитарт доставит.

– Слов нет, чтобы выразить мое глубочайшее удовлетворение и восхищение, – отвесил еще один поклон Шаман и посмотрел за спину испанцу: – Тор, выдохни, а то лопнешь.

Сибейра обернулся. За его спиной шагал вытянувшийся в струнку Тооргандо, всячески изображающий бравого вояку в тон словам шефа. Бравым-то воякой он был, а вот внешность

немного подкачала. Надувшийся Тооргандо напоминал молодого петушка. Не цыпленок, но еще и не петух. С тонкой шеей и костлявыми ключицами. Глазами Тор буквально ел начальство.

– Можно, – барственно махнул рукой Сибейра.

– В смысле «вольно», – тихонько вставил Точилинов. – Ты ж военный. Был, во всяком случае.

– Не военный. Контрразведчик, – поправил дон Антонио. – И это было давно. И – на Земле.

– Да ты что? – восхитился Уваров. – А здесь у нас ты этот, как его, сифилитик, да?

– Филателист, – опять поправил Точилинов.

– Я в курсе, – углом рта прошипел Борис.

– Да ну вас, – не выдержал и рассмеялся Сибейра. – Гемар Тооргандо, вольно.

– От это я понимаю... – начал Мастер Ацекато, но не успел больше ничего добавить.

Тооргандо обвел идущих магов глазами. Не раскрывая рта, носом, сделал еще один вдох. Открыл рот... И резко выдохнул длинную струю пламени. Ф-фух.

Маги порскнули в стороны, как будто и не было ни у кого за плечами многих месяцев кабинетной работы. Мгновенно.

– Здорово? – поинтересовался Тооргандо, обводя взглядом прячущихся магов. – Две недели тренировался.

– Идиот! – возопил Сибейра, поднимаясь с земли и пытаясь оттереть с руки какую-то липкую гадость, в которую вляпался. – Нашел время и место способности демонстрировать.

– Я думал, вам понравится, – в голосе Тооргандо не было и тени виноватости.

– Нам понравилось, – заверил его отряхивающийся Мастер Ацекато, – и в самом деле необычный трюк. Мои поздравления. Только, пожалуйста, молодой человек, в следующий раз предупреждайте, ага? А то тут очень мокро, и мне не хотелось бы...

Тут через его академический тон прорвался смешок, потом другой, и Мастер Ацекато расхохотался в голос. Чуть погода к нему присоединились остальные.

– Я смотрю, погода плохая, идти далеко, надо что-то веселое сделать, – Тооргандо, наконец, виновато посмотрел на Сибейру. – Шутка-то безобидная.

– Шутка ему, – проворчал дон Антонио. Он уже и не знал, смеяться ему или сердиться, как вдруг заметил лицо Шамана. Тот запихнул в рот чуть не половину капюшона, и только слезящиеся от смеха глаза выдавали рвущийся хохот.

– Так это ты ребенка всяким пакостям учишь?! – нашел на ком оторваться Сибейра.

Шаман выплюнул капюшон и все-таки захохотал.

– Да ты что? Нет, конечно. Это ж чистая энергетика, куда мне, – отсмеявшись, ответил он. – Но я точно знаю, кто.

– Кто? – Дон Антонио перевел взгляд на Уварова. Тот замотал головой, мол, что ты, нет, не я.

– И не проси, не расскажу, – замотал головой блюстителю Улитарта. – Пусть сам колется. Правильно я говорю, а, гемар?

Он весело прищурился в сторону Тооргандо.

– Ничего там такого не было, – неожиданно покраснел тот. – Интересная же штука, просто захотелось попробовать.

– Ну-ка, ну-ка, расскажите мне, что Служба пропустила? – по-инквизиторски улынулся Сибейра, но договорить ему не дали.

Возле Точилинова неожиданно появилась Са-Сефара, которая, по идее, должна была идти метрах в ста впереди.

– Ты главный в Братстве, а тут все первые, я правильно поняла? – обратилась она к Ацекато.

– Обычно ко мне обращаются на «вы», – чуть сдвинул брови тот. – Но в целом всё правильно. Мы и есть Братство. Вот такие, каких видите. Остальные тоже далеко не ушли, а в Улитарте еще хуже. – Он чуть дернул уголок рта в сторону Шамана, обозначив улыбку. – Уж извините, – он чуть повел рукой, – других нет.

– Наоборот, – взгляд торквани потеплел. – Теперь я верю, что вы его вытащите. И что в Пестике останетесь. – Она перевела взгляд на стоящего за спиной Точилинова Муритая. – Ты давал слово, идал?

Муритай вздрогнул. Чуть-чуть, незаметно.

– Я не идал, сараси.

– Так и я не сараси, – усмехнулась торквани. – Так давал или нет?

– Нет, – спокойно ответил Муритай. – Я просто живу здесь.

– Понятно, – кивнула торквани. Развернулась и бросила через плечо в своей, уже узнаваемой, манере: – Идем, стоять здесь незачем. Путь долгий, и кто знает, что нас там ждет.

Маги потянулись за ней.

Небольшой дом, стоящий на скале возле моря, показался как-то неожиданно. Вроде и пространства перед ним было много, издалека можно разглядеть, ан нет. Он открылся только тогда, когда до него осталось минут десять ходу. Может, дом и был когда-то аккуратным и ухоженным. Но – не сейчас. Чем ближе спасательная экспедиция подходила к дому, тем виднее становилась разруха, царящая вокруг. Даже нет, не разруха, всё было цело и невредимо, а какая-то неухоженность, что ли, витала в воздухе. Видно было, что люди тут есть, но не видно, чтобы за домом хоть кто-то следил. Хлопающие на холодном ветру окна, перевернутое кресло на террасе, куча каких-то тряпок возле крыльца... Множество мелочей. Неуютность и безысходность. И было еще что-то непонятное, что заставляло ежиться и озираться по сторонам. Странность какая-то.

Сибейра оглянулся. Остальные, судя по лицам, тоже чувствовали нечто подобное. И только Кашей щерился довольной улыбкой забравшегося в погреб кота. И еще Муритай шел спокойно, выпрямившись во весь рост, ничуть не стараясь скрыть свое присутствие. Выражение его лица дон Антонио никак не мог классифицировать. Что же, становится всё интереснее, промелькнуло у него в голове. Посмотрим, что будет дальше. Он выпрямился, стараясь сбросить безысходную одурь, все больше им овладающую. Ничего не получилось, но он вдруг почувствовал какое-то сопротивление. Не атаку, нет. Просто чье-то неуловимое присутствие и легчайшее прикосновение узора. Он бы, наверное, ничего и не понял, и плюнул бы – очень уж невесомо было это прикосновение, если бы не улыбка Кашея. Два и два сложилось легко. Потому и Кашей улыбается, потому и Муритай спокоен. А то, что эти, в доме, защищаются, даже видя Са-Сефару, – что ж тут плохого? Сразу ведь не разберешь, подмогу она ведет или ее под «подмогой» ведут. Дон Антонио выпрямился, успокаиваясь. Всё ясно.

И ничего ясно не стало. Безысходность начала превращаться в депрессию. И почти сразу – в панику. Захотелось убежать, накрыться чем-нибудь. Спрятаться у кого-то сильного под крылом. Очертания дома вдруг поплыли, сделались размытыми. Тучи над головой, бегущие по небу, сделались гуще, темнее. Ветер стал принизывающим. От него перестала спасать одежда. Сибейра ощупал своё прячущееся все глубже и глубже «я» – и вдруг разозлился. Да что такое? Что происходит? Он маг или где? Дон Антонио постарался нащупать линии хальер. Вот они, но какие-то странные. Колючие и скользкие. Атака! Сибейра схватился за них, краем глаза отметив, что остальные сделали то же самое.

– Хватит, девочка, – хрипло каркнула Са-Сефара. – Тахор, остановись. Две Твари обошли вокруг четырех деревьев.

И всё пропало. Абракадабра торквани сработала. В смысле всё осталось, но пропало чувство страха. Вокруг сделалось светлее, ветер перестал быть ледяным, тучи полетели медленнее, и даже куча тряпья около крыльца перестала вызывать безотчетное чувство брезгливости. Дом

стал нормальным. Дом себе и дом. Что это было? Так работают мастера разума? Ну-ну, надо будет внимательнее к этим ребятам в Улитарте присмотреться, сделал себе пометку Сибейра.

А уж Кашей-то доволен. Ага, будет ему пара. И если еще эта девчонка выглядит так же, как он...

Заплаканная перепуганная девушка, сидящая в комнате на первом этаже возле чего-то, напоминающего очертаниями человеческого тело, на Кашея похожа не была, и Сибейра незаметно перевел дух. Очень уж ярко готовил он себя к появлению Кашеихи. Торквани была далеко не красавица, так что, перенеся восприятие с неё на всё, что она рассказывает, Сибейра ожидал как минимум еще одну торквани по виду. Ну, на край, глеммиди. Тем радостнее оказалась реальность.

Большеглазая девушка с копной светлых волос меньше всего походила на истощенного мастера Разума, на которого, в понимании Сибейры, должны были быть похожими все такие мастера. Она, должно быть, довольно красива, когда не плачет и не вымотана многодневным уходом за непонятно кем и чем. Это промелькнуло в голове у дон Антонио и тут же исчезло – вперед сунулся Кашей. Сибейра не был охотником на Земле, поэтому представления об охотничьих собаках в действии был лишен, но сейчас вид Кашея мог запросто иллюстрировать собаку, взявшую след. Глаза горят, ноздри раздуваются, улыбка до ушей, сам довольный дальше некуда. Называется, нашел собрата по несчастью.

– Стоять, – Кашей, как об стенку, споткнулся о голос торквани. – Что-то случилось, девочка, пока меня не было?

– Да, – девушка сдерживалась, но видно было, что из последних сил. – Он уплывает куда-то. Я его зову, он возвращается, но ненадолго. И опять уплывает. А недавно там появился еще кто-то.

Тут силы ее кончилось, и слезы хлынули ручьем. Са-Сефара обняла рыдающую девушку, маги понимающе молчали вокруг. Еще бы, попробуй просиди несколько дней рядом с непонятно чем, каждую минуту ожидая визита аталь или смерти подопечного. Который к тому же твой парень, как Сибейра понял из скупых намеков торквани. А тут еще появление непонятно кого, который тоже страшный. И сама еще толком не маг, и опыта никакого, и подсказать некому, и девушка, и страшно, и холодно... В общем, додумывая за нее, дон Антонио чуть сам не разрыдался, благо вспомнил, что люди вокруг.

Ладно, оставим кесарю его долю, Сибейра все-таки не маг разума, пусть улитартские колдуют, а он займется другим. Так-с, а это кто? Пара Кашею? Антипод-перевертыш? Невысокий торк неподвижно стоял в углу комнаты, наблюдая за ввалившимися магами. Его действительно можно было назвать противоположностью Кашея, но не в плане красоты, а в плане перемены местами отрицательных и положительных сторон внешности. Там, где Кашей был болезненно худым и высоким, торк был невысоким и крепким. На несуразном теле Кашея сидела абсолютно нормальная голова с приятным лицом, тут же наоборот. Неимоверно уродливое лицо и большая голова создавали образ какой-то Твари, сбжавшей из Территорий. Твари злобной, быстрой и смертельно опасной. Непостижимым образом, но они с Кашеем были похожи. Дон Антонио удивился этому наблюдению, а потом внимательнее присмотрелся к незнакомцу – и все прочие мысли вылетели у него из головы. Торк был воин. Нет, не так. Он был Воин. Только по одному положению рук, которые торк демонстративно держал на виду, Сибейра, уже насмотревшийся всякого, мог определить, что торк непрост, ох как непрост. Вон Муритай как к нему подходит. Аккуратно, чуть не бочком. Ни дать ни взять молодой щенок представляется матерому волку. Это Муритай-то! Ну-ну, посмотрим. Оставив в покое магов, сгрудившихся вокруг торквани с девушкой (это никуда не уйдет, пусть Шаман сам разбирается), испанец сосредоточил все внимание на торке. Тооргандо с Айонки, уловив перемену, аккуратно переместились поближе к шефу. Тут было на что посмотреть. Муритай остановился в паре шагов

от незнакомца – и замер. С минуту они стояли неподвижно, оценивая друг друга. Торк был невысок, где-то по грудь Муритаю, и, по идее, Муритай должен был нависать над ним, хотя бы зрительно подавляя его размерами. Ничего подобного. Они смотрелись как минимум на равных, а если пристально наблюдать, то становилось заметно, что Муритай старается держать дистанцию. Да уж, действительно, компания тут, на мысе Хакони, подобралась незаурядная. Тем временем первичный осмотр закончился.

– Муритай-он, – склонил голову в уважительном поклоне Муритай.

– Только «Муритай-он»? – поднял бровь торк.

– Да, – поднял голову Муритай. И прямо посмотрел на незнакомца. Пора представляться в ответ.

– Тахор Гумануч-он, – чуть наклонил голову тот.

Судя по реакции Муритая, имя ему ничего не говорило, но положения дел это не поменяло.

– Здесь Глава Братства Магов Земли, Мастер Ацекато, – начал представлять присутствующих Муритай, – блюститель Улитарта, Шаман...

Все правильно, подумал Сибейра. Отвечающему за безопасность необходимо знать, кто пожаловал в гости. Он сам бы первым делом такую информацию затребовал. А раз Муритай признал в торке достойного уважения, то и нечего ждать, пока тот сам начнет интересоваться.

– ...служб Ищущих и Находящих, дон Антонио Сибейра.

Муритай в представлении добрался до него, и тут на лице Тахора появилось одобрение. До этого он вроде и не смотрел на Сибейру, а вдруг уважительно склонил голову, и получилось, как будто они поздоровались. Что ж, надо подойти.

– Дон Антонио Сибейра, – коротко представился испанец, подходя к все еще неподвижно стоящему Тахору. Надо же, успел мельком удивиться Сибейра, пяти минут не прошло, торк с места не сдвинулся, а вокруг него все уже прыгают. Это уметь надо.

– Тахор Гумануч-он.

– Гемар Находящих Тооргандо, Айонки, – представил последовавших за ним подчиненных дон Антонио.

Тахор чуть улыбнулся. Его лицо, и без того уродливое, пошло морщинами, как печёное яблоко. Получилось ужасающе.

– Не тот Айонки, который с Атаром в Раздел ходил? – поинтересовался он, глядя на вольда.

– Это было очень давно, – добродушно осклабился Айонки.

– Но было, – кивнул торк и перевел взгляд на Тооргандо: – А ты тот Старший, который Желтых Стрелков с Красными перепутал?

– В общем, да, – немного стушевался Тооргандо, но быстро справился.

Сибейра же немедленно насторожился. Случай Тора, когда он, только назначенный гемар, столкнулся с пятеркой Желтых Стрелков в окрестностях Улитарта, принял их за неподготовленных Красных и рванулся в бой, из которого не иначе как промыслом Божьим, но вышел победителем, был достаточно хорошо известен. Но. В очень узких кругах. Сидящему на окраине мира, держащему оборону и изолированному от всех торку о нем знать не полагалось. И вопрос даже не в том, кто он такой, а в том, откуда утечка. Неужели их информация так легко расходится по Пестикю? Еще одна головная боль, отметил про себя дон Антонио. Тахор заметил его гримасу, но проигнорировал. Не его проблемы.

– Пока ваши товарищи изучают кокон, – начал он без дальнейших расшаркиваний, – я расскажу, что было до этого. Может, это вам поможет. Итак, парень, который в коконе, – халь. Зовут Ирил Ланья. Мой воспитанник. Полтора года назад он поссорился с одним аталь, вообразившим, будто он наследник великих халь Зеленого Лепестка. Разбил его амулет. Амулет

торкский, да еще и лично под него был подстроен. Не знаю как, но подстроен. Изготовитель, скорее всего, Та-риваки, если вам это имя что-нибудь говорит, – Сибейра кивнул.

Торк продолжал рассказ, скупыми точными фразами описывая происходящее. Маги слушали, стараясь запомнить каждое слово. Каждый отмечал что-то свое. Потом они обсудят, расскажут свои наблюдения и мысли. Но это – потом. А сейчас нужно как можно больше запомнить и понять. Тахор тем временем добрался до последнего боя:

– ...основная ошибка была моя. Слишком я поверил в то, что они девчонку запросто обманули. Они ей показались – и стали смотреть, куда она побежит. Показались пятеркой. Я и поверил, что они против девчонки настроились. Начал ждать пятерку. А пришли на самом деле пятерка и тройка. Ирила я отправил против двоих, а сам начал ждать тройку. Он двоих-то положил, парень способный, а я не угадал. Двоих убрал и пошел ловить последнего. На нем меня и взяли...

В целом ситуация была ясна. Не очень понятно было, почему после потери аж восьмерых Стрелков сюда никто не заявился проверить, что случилось, но теперь это уже неважно. Охрану все равно придется выставлять, а против такого сборища, какое заявилось сюда, надо посылать небольшую армию, не меньше. Так что с безопасностью более или менее ясно. Надо смотреть тело.

– Антонио, – как по заказу позвал Шаман. – Подойди посмотри, может, увидишь что знакомое.

Сибейра протолкался поближе к лежащему на кушетке Ланье. Всё тело парня обволакивала какая-то дымка, размывающая очертания и не позволяющая толком разглядеть ни лицо, ни позу, ни детали одежды. Определение «кокон», данное Тахором, казалось наиболее верным.

– Что тут у нас? – поинтересовался дон Антонио, вглядываясь в неясные очертания лица.

– И в самом деле странно, – отозвался Шаман, стоящий на коленях возле кушетки. – Что с парнем происходит, неясно совершенно. Дотронуться до него я не могу, рука вязнет. Переместить его с кушетки на пол можно, но это и все. Линии хальер как обрываются здесь. Амулеты мне показали – штатные игрушки Желтых Стрелков. Не усиленные. Все четыре – как наизнанку вывернуты. Ты слышал что-нибудь про уничтожение подобных амулетов?

– Кроме тех баек, которые я уже рассказал, ничего, – помотал головой Сибейра.

Перед выходом он просмотрел всю информацию, которую можно было собрать про уничтожение амулетов. Ничего конкретного, ни одного очевидца или участника. Сплошные сказки да байки. Да, ломать амулеты можно. Да, владелец при этом, скорее всего, погибает. Да, были мастера, которые это делали. Имен нет. Конкретики никакой. Именно это Сибейра и поведал всем по пути сюда.

– А как умерли Стрелки? – поинтересовался он.

– Как будто начали вытягивать наизнанку их самих. Точка фокуса начиналась где-то в грудных клетках. Через амулеты ее только протягивали.

– Амулеты доступны?

– Теперь это просто деревяшки и камни, – Шаман протянул на раскрытой ладони горку каких-то ошметков: – Хальер – ноль, делай с ними все что хочешь. Вся хальер ушла туда, – он кивнул головой на неподвижное тело.

– Интересно, – бездумно протянул Сибейра, вглядываясь в изменчивую дымку. – А дотронуться можно?

– Только аккуратно, – разрешил Шаман. – Я потянулся, до сих пор рука ноет. Ничего страшного, но ощущение какое-то необычное.

– Угу, – согласился дон Антонио и протянул руку.

Дымка приняла кисть. Вначале ничего необычного не происходило, но по мере того, как рука уходила дальше, начинались странности. Очертания руки размывались, пропадала чувствительность. Не онемение, а нечто непонятное: будто рука начинает растворяться. В каком-

то месте Сибейра почувствовал, что уперся. И – всё. На следующем миллиметре ощущение растворения усилилось настолько, что дон Антонио выдернул ее, даже не успев задуматься почему.

– Твою мать, – ошарашенно выдохнул он.

– На что похоже? – влез Шаман.

– Да хрен его знает, – Сибейра тряс рукой, к которой мгновенно вернулась чувствительность, как только прервался контакт с дымкой. – Ты прав, ломит сильно. Такое ощущение, будто ее разобрали и тут же обратно собрали.

– О, точно, – поднял палец Шаман. – А то я никак не мог сформулировать. Мысли есть?

– Пока никаких. А что с разумом? – Он поднял глаза на девушку (его уже оповестили, что ее зовут Сова), которая ни на шаг не отошла от лежащего Ланьи, не обращая внимания ни на толкучку вокруг, ни на странные явления и ощущения. В больших заплаканных глазах плескалась такая надежда, что Сибейра перевел взгляд на Кашея. Он терпеть не мог огорчать красивых девушек. Однако ответила именно она.

– Он там есть, – Сова указала рукой на дымку. – Если просто голосом звать, то он не слышит, но если добавить туда хальер, тогда как-то реагирует. Иногда он начинает пропадать, размываться, я его сильнее звать начинаю, и он опять появляется. Я его вижу как темное пятно. А недавно там еще кто-то появился. Кружит вокруг него. Правда, с этим «чем-то» его стало легче звать.

– А как это проявляется, ну что он слышит? – поинтересовался Сибейра.

– Он четче становится. Если вы спрашиваете, появлялся ли он, то – да. Один раз я его как-то очень сильно позвала, – она немного смутилась, – он почти появился, я лицо увидела. А потом – всё. Больше так не получалось.

– А давай, девочка, попробуем вместе позвать, – предложил из-за плеча Сибейры Кашей. – Я тоже немного смыслю в том, что ты делаешь. Ты мне расскажешь, чтобы я подстроился, и попробуем.

– Вы Мастер Разума? – вскинула глаза на Кашея девушка.

– Ну не знаю насчет мастера, – пожал плечами Кашей. – Но я в любом случае больше многих в Братстве понимаю, о чем ты говоришь. А уж тут-то точно. Попробуем?

– Давайте, – Сова свела брови, явно готовясь что-то сделать.

– Тшть, тихо, – остановил ее Кашей. – Не так быстро. Я еще не до конца вижу, как ты это делаешь. Давай посидим вон там, – он кивнул на диван в углу комнаты, – поговорим. Ты мне всё покажешь, а потом попробуем.

– А как же... – девушка беспокойно оглянулась на лежащего Ланью.

– Не переживай, – успокоил ее уже Шаман. – Во-первых, мы здесь. Без присмотра его не оставим. Если что будет происходить, мы тебя позовем. А во-вторых, нам всем всё равно надо подготовиться. Либо мы тут начинаем сеанс хальер, устраивая светопредставление на всю округу, либо, если ничего не получится, перебазируемся в Улитарт и уже там попытаемся что-нибудь придумать. Не переживай. Раз уж мы здесь, то просто так не уйдем. Мы своих не бросаем.

– А мы свои? – робко спросила Сова.

– Он, по крайней мере, точно, – из-за спин сгрудившихся магов донесся голос Мастера Ацекато. – Сараси Са-Сефара пришла к нам от его имени, поэтому Ирил Ланья сейчас считается подданным Братства. До тех пор, пока сам не опровергнет заявление Са-Сефары.

– А я?

– А ты сама должна решить. Хочешь ты в Братство или нет. В выборе ты свободна. Насильно в Братство мы никого не тянем.

– Вы погодите человека грузить, – вступился за совершенно сбитую с толку Сову Кашей, оттирая от нее тощим плечом всех магов, на лицах которых явно читалось желание начать

просвещать неофита. – Дайте сначала разобраться и переместиться в безопасное место, а потом уже будете спрашивать. Помните, как в сказках? Молодца сначала накормить, напоить и в баньке помыть надо, а потом и грузить всякими глупостями.

– А потом этот молодец начинает Кашея Бессмертного по частям разделявать, – захлебываясь от рвущегося хохота, срывающимся голосом на грани фальцета выдал Колобок, до поры прячущийся за спинами остальных магов.

От хохота магов чуть не повывлетали оконные стекла. В приоткрытую дверь всунулась куда-то подевавшаяся до этого Са-Сефара. Осмотрела хохочущих магов, осуждающе покачала головой и спряталась обратно. Сова сначала переводила непонимающий взгляд с одного человека на другого, но веселье оказалось заразительным, и вскоре она тоже начала тихонько хихикать, глядя на пунцового от злости Кашея. Даже Тахор, шушукавшийся в своем углу о чем-то с Муритаем, криво ухмыльнулся, поддавшись общему настроению. Правда, лучше бы он этого не делал, так как стало совершенно непонятно, кого должен будет впоследствии рубить чисто вымытый и накормленный молодец. Кашея, то есть Кошуна Яговича Бессмертных, или это уродливое пугало?

Когда смех утих, Кашей, бросив напоследок пару многообещающих взглядов, утащил Сову в угол, чтобы обсудить предстоящий узор, который они будут строить. Неподалеку от них с нейтральным лицом пристроился Тооргандо, выполняющий функции личной охраны. Это выглядело бы естественным, если бы Сибейра не знал, что маску безразличия тот натягивает только тогда, когда внутри у него все кипит и клокочет. «Что, мальчик, запал на большие глаза?» – ухмыльнулся про себя дон Антонио. Фигушки, в этом задании у нас другие задачи. Ты у нас боец, вот иди прямыми обязанностями заниматься.

– Тор, – негромко позвал он.

Гемар тут же повернулся. Сибейра медленно повертел головой и глазами указал на угол, где продолжали что-то обсуждать Тахор с Муритаем. Покрасневший Тооргандо тут же переместился в угол. Торки, оценив нового собеседника, немного подвинулись, и гемар с ходу включился в разговор.

«Так-то лучше», – удовлетворился Сибейра и начал осматриваться, придумывая, чем бы заняться.

– Антонио, – позвал поймавший его ищущий взгляд Точилинов.

– Тут, Мастер, – Сибейра подошел к стоящему возле окна и что-то пристально рассматривающему Семену.

– Ты доша не хочешь? – не отрываясь от окна, поинтересовался Точилинов.

– Доша? Чего, а?.. – Сбитый с толку дон Антонио не сразу поймал смысл вопроса. Уж больно лицо было задумчивое у Мастера Ацекато.

– Дош, спрашиваю, будешь? – рассмеялся Точилинов, довольный, что подколка удалась.

– Буду, – моргнул сообразивший, наконец, Сибейра и уже ожидаемо услышал продолжение.

– Когда будешь, меня позовешь, ладно?

– Да идите вы, Ваше Магичество, с вашими шутками, – беззлобно ругнулся Антонио.

– Да ладно, – ухмыльнулся Точилинов. – Нам с тобой всё равно нечего делать, так хоть дош приготовим. Где там эта старушка?

– Ты потише, – порекомендовал Сибейра. – Эта «старушка» – датой-шаман с личным воином. Ты что, меня совсем не слушал, когда я про это рассказывал? Очень непростая дамочка.

– И что с того? – пожал плечами Мастер Ацекато. – Мы с тобой тоже очень непростые ребята. И Шаман парень не промах. Да и остальные...

– Обидела она тебя? – усмехнулся дон Антонио.

– Да не то чтобы обидела, – пояснил Точилов, – но как-то стал я, понимаешь, к чинопочитанию привыкать в последнее время. Да и непонятно пока кто они такие, к какому Лепестку относятся. Все-таки, когда в чужой дом приходишь, надо уважение к хозяевам иметь.

– Если перед вами не бьют земные поклоны и не стоят на коленях, это не означает, что вам не оказывают уважения.

Раздавшийся за спинами магов голос заставил Сибейру подпрыгнуть на месте. Он издал нечто вроде шипения, адресуемого Мастеру Ацекато: «Я же говорил». Но Точилова смутить было не так просто.

– Меня абсолютно не интересуют выражения внешнего преклонения, уважаемая, – Мастер Ацекато повернулся к неслышно подошедшей торквани. Он больше не походил на вырвавшегося в отпуск курсанта. Сейчас с торквани говорил истинный Глава Братства. На Сибейру явственно повеяло холодом и властью. – Но за моей спиной сейчас стоят десятки тысяч людей, за благополучие и безопасность которых я отвечаю. И именно от того, насколько велик будет мой авторитет в Пестике и насколько значимо будет моё слово, зависит, придут ли сюда войска Земли, воюющей со всеми Старшими Расами, и войска трех Лепестков, которые захотят выжечь человеческую заразу из этого мира, или нет. Вы что-нибудь слышали о соглашении, заключенном между Братством и Старшими Расами?

Торквани кивнула.

– Вот именно поэтому я и не могу себе позволить даже самое незначительное проявление неуважения ко мне и, соответственно, ко всему Братству. – Он замолчал на секунду, а потом развел руками и добавил абсолютно нейтральным голосом, показывая уважение к возрасту собеседницы: – Извините.

Некоторое время старая торквани молчала, осмысливая услышанное, а потом медленно наклонила голову:

– Ваши доводы достаточны, Ваше Магичество. Прошу принять мои извинения.

Тон Са-Сефары с трудом поддавался классификации, но неприязни в нем не было, это точно.

– Нет нужды титуловать меня каждый раз, – Точилов чуть добавил мягкости в голос. – Вы можете обращаться ко мне как вам будет угодно. Но я хочу объяснить вам, что если вы обратились за помощью к Братству, то мы автоматически рассматриваем вас как нашу часть. Это уже традиция. И мы, соответственно, ждем от наших братьев такого же отношения, которое мы оказываем им. Вот это все, – он обвел рукой комнату, полную магов, – вовсе не оплачиваемая медицинская или военная операция. Мы пришли сюда спасать одного из нас. И если Ирил Ланья впоследствии решит не присоединиться к нам, то это ничего на сегодняшний день не изменит. То же самое относится и к девушке по имени Сова. И то же самое относится к датой-шаману Са-Сефаре, – торквани ошутимо вздрогнула, – и ее личному воину Тахору Гуманучон. Вы попросили помощи в рамках вступления в Братство (вспомните, что говорилось в описании к амулету) – и вы ее получаете. Это не налагает на вас никаких обязательств. Их на себя принимаем только мы. Мы помогаем вам как уже действующим членам Братства. А вы вольны в любой момент нас покинуть. Мы будем биться за вас, поскольку считаем, что вы наши, а уже вам решать, будете ли вы нас за это уважать или нет. Я сказал.

Пробрало даже Сибейру, который всё это и так знал. Глядя на Мастера Ацекато, было невозможно представить, что где-то в мире есть еще что-то, кроме Братства, куда можно отправиться жить. Только сюда, только с ними.

Судя по изумленному лицу торквани, нечто похожее пришло на ум и ей. Она постояла несколько мгновений, потом еще раз склонила увенчанную боевым султаном волос голову и молча удалилась. Не ушла, а именно удалилась, унося с собой какое-то новое восприятие этого мира.

– Сильно, – откашлялся Сибейра. – Давно я твоих выступлений не слушал.

– Тренируюсь, – хмыкнул Точилинов. – Думаешь, легко всю эту братию, – он кивнул в сторону начинающих осваиваться в доме магов, – держать в узде? Хочешь не хочешь, а приходится харизму выращивать. Оп-па.

Он вдруг сделал резкое движение и поймал за рукав спешащего куда-то Колобкина.

– Колобок-колобок, я тебя съем. Стоять, раз, два!

– Не ешьте меня, Мастер, отравитесь, – осклабился тот. – Вчера Шаман уверял, что нашел рецепт глемм-доша, поил всех, кого поймал. А сегодня посмотрел на всех, кого угощал, и решил сюда сбежать, чтоб не достали. Так что недели две я еще буду невкусным. Жуткая гадость.

Колобкин передернулся всем объемистым телом.

– Договорились, – кивнул Точилинов. – А вот тогда скажи мне: ты не пробовал прощупать этот кокон на предмет нашей банальной связи?

– Обижаете, Мастер, – скорчил оскорбленную мину Колобок. – Первым делом попробовал после Кашея.

– И?..

– Ничего, – ожидаемо разочаровал Колобок. – Только эхо какое-то странное. Никогда такого не видел. Как будто в сторону всё уходит. Причем в одну. Как в реке течением сносит.

– Интересно, – задумался Точилинов, но сказать ничего не успел.

Дверь в соседнюю комнату открылась, и перед магами предстала Са-Сефара, держащая огромный поднос, уставленный разнокалиберными кружками с дошем и заваленный всякой съедобной всячиной.

Маги, не осведомленные о душевных терзаниях старой торквани, с радостным гамом обступили Са-Сефару, нахваливая гостеприимную хозяйку и ее нехитрое угощение. На лице торквани застыло выражение, как будто она открыла для себя нечто новое и неожиданно приятное. Поглощенная делами экспедиция не обратила на это никого внимания, и только Мастер Ацекато с Сибейрой усмотрели изменения в поведении старухи. Ну еще и Тахор. Судя по его удивленному лицу, такое радушие датой-шаману доселе свойственно не было. «Привыкайте... братья», – усмехнулся про себя Сибейра и пошел за своей порцией доша с бутербродами. Есть и вправду хотелось зверски.

Глава 9

– Ирил! Ирил!
– Ну еще немного! Давай, тянись, тянись!
– Колобок, что видишь?
– Эхо короче стало. Он выходит.
– Выходит?!
– Выходит!!!
– Вышел почти. Ну, родной, давай! К нам! Еще! Еще!
– Нет, стой! Куда?! Мужики, держим! Держим, держим!
– Уходит, уходит! Ушел, уше-е-л! Ушел, падла. Да что ж такое ты на себя навернул, зараза, что не взять тебя никак? – Расстроенный Кашей вытер рукавом залитое потом лицо и, не заботясь о приличиях, выдал длинную матерную тираду.

Его никто не одернул. За прошедшие сутки это была четвертая попытка вытащить Ланью из проклятого кокона. Во время первых трех Ирил откликался, но как-то вяло, с каждым разом все слабее и слабее отвечая на зов Сова, которая, заливаясь слезами, всё звала и звала его, останавливаясь только тогда, когда ее силой уводили от слабо мерцающего кокона. И тут на тебе – такой шанс. Впустую. Обидно.

– Ну что? – поинтересовался Точилинов у Шамана, который был руководителем эксперимента. Смысла в вопросе не было никакого, все и так ясно, но молчать было чересчур тяжело.

– Да ничего, – Шаман достал очередную сигарету. В доме и так уже невозможно было дышать от табачного дыма, но никто этого не замечал. У магов дрожали руки от количества выпитого доша и полубессонной ночи. Еды в доме практически не осталось: никто не рассчитывал на такое количество здоровых мужиков. Вымотались все. И эта четвертая попытка добила усталых магов окончательно.

– Да ничего. Всё что мы могли сделать, сделали. Ничего принципиально нового тут мы придумать не можем. Надо останавливаться...

Договорить он не успел. Из-за спин магов вылетела Сова и вцепилась в Шамана.

– Вы же обещали, обещали! – Отчаяния в голосе девушки было на четверых. – Вы не можете его бросить. Вы говорили, что вы Братство. Что вы своих не бросаете никогда. Вы нам врали, врали!

– Тихо, тихо, девочка, – Шаман, не ожидавший ничего подобного, несколько опешил. Он попытался отстранить ее, чтобы попробовать хоть что-то объяснить, но куда там... Опыта в успокоении бьющихся в истерике женщин у него явно не хватало.

– Спокойно, – Сибейра, у которого как раз такого опыта было завались, аккуратно перехватил Сову, вознамерившуюся перейти от слов к делу. То бишь наказать подлого обманщика чем-нибудь твердым. А не хватит, так магии добавить. Учитывая, что специалистов по разуму и так кот наплакал, да и недоделанные они все, типа Кашея, то допускать этого было нельзя. Одного кокона в комнате вполне достаточно.

– Тихо! – прикрикнул он на девушку, одновременно перехватив обе ее руки. – Смотри, твой Ирил уже почти поправился.

Сова оглянулась на кокон и перевела непонимающий взгляд обратно. Быстро, пока в этом взгляде не появилась агрессия от очередного обмана, дон Антонио продолжил ровным успокаивающим голосом:

– Всё. Всё в порядке. Всё закончилось. Эксперимент удался. Теперь его осталось только распеленать. А ты чего в Шамана вцепилась, а? Ду-урочка. Ну, посмотри сама. Никто никуда не собирается. Все на месте. Сейчас отдыхать будем. Вон, Кашей смотри что готовит. Новый амулет. И Мастер Ацекато тут...

Он журчал и журчал. В таких делах главное сбить самый первый, неконтролируемый порыв, который как раз и сносит все на своем пути. А когда запал кончится, вот тогда можно будет и нормально поговорить. Следующим шагом главное не пропустить момент, когда она опять станет адекватной, чтобы твое бормотание не выглядело пустыми отговорками взрослого дяди, успокаивающего ребенка. У Сибейры, благодаря его обширным связям с женским полом всех рас, такой навык имелся. Как только во взгляде брыкающейся Совы начало появляться подобие осмысленности, дон Антонио отпустил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.